Чувствуй себя как дома

У КАЖДОГО ЕСТЬ СВОЙ СГОРЕВШИЙ ДОМ

Мария БРИТАН

Мария Британ
Чувствуй себя как дома

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35748702
Чувствуй себя как дома. Роман: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-117685-3

Аннотация

Спустя много лет Анна возвращается к морю, где давным-давно потеряла память и… семью. Она хочет выяснить, что же случилось с мамой в тот страшный день – в день пожара, – и ради этого пойдет на все. Но на ее вопросы местные жители ничего не отвечают – они не желают, чтобы Анна вспоминала. Молчит и море. Море – предатель: оно-то точно все знает. Так, может быть, ответят дома?

История Анны уже близко: скрипит половицами, лязгает старыми замками, звенит разбитой посудой – нужно только прислушаться, открыть дверь и… старый дом раскроет все тайны. Только нужно ли было Анне о них узнавать?

Содержание

1	5
2	16
3	29
4	46
5	64
6	85
7	93
8	114
9	126
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Мария Британ
Чувствуй себя как дома
Роман

Моей Ласточке, рядом с которой всегда тепло

Не навещай меня
Или входи без стука.
Не издавай ни звука
И не блуждай одна.

Скрипит, рыдает пол.
Зажмурься. Видишь, Тора?
Квикстеп танцуют шторы,
И дверь забила гол.

Под скрипку пляшет дом.
«Тик-так», – чеканит сердце.
Тик-так. Тик-так. Два герца.
Позволь мне быть смычком.

Кромсает пол трава.
Фальшивят все пластинки:
У них сейчас поминки.
Как жаль, что ты мертва.

1
Захар
[До]

Начало 80-ых

Я слышу их. Они – моя стая. Друзья с тикающими сердцами марки Zahnrad[1].

У них есть глаза. И руки, и рот – все как у людей. Они радуются, грустят, ненавидят. О, ненавидят они по-особенному. И если ты гребаный турист, читающий мой дневник и блуждающий по обломкам свихнувшегося дома, знай: ты на две трети покойник, Вячеслав. Ты же не против, если я буду называть тебя Вячеславом? Мое любимое имя!

Надеюсь, тебе нравится.

Ты по-прежнему здесь? Дай угадаю: ты идиот. Нет? Тогда все хреново. Двери закрыты. Ключи похоронены. Окна заколочены. Поздравляю, ты попал в ловушку. Этот дом – могила. У него слишком прочные стены – ты не пробьешь их, и чересчур хрупкие потолки – пара булыжников проломят тебе череп.

Твоя кровь смочит страницы моего дневника. Чернила

---

[1] Zahnrad – шестеренка (*нем.*). – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*

расплывутся. Моя история умрет в твоих эритроцитах. Чтоб тебя.

Не ожидал, что сдохнешь?

Если ты читаешь это, я тоже не ожидал.

Ищи *его* сердце, Вячеслав. Не медли. Вдруг оно тикает где-то поблизости, за холодильником, облепленным наклейками из упаковок жвачек? Ты успеешь.

Я всегда успевал.

Когда найдешь часы с выгравированной под циферблатом надписью Zahnrad, разбей их. Вытащи батарейки. Залей кровью. Сделай так, чтобы они навечно заткнулись.

У тебя будет ровно минута на спасение. Шестьдесят секунд. Не больше. Не меньше. Дом пунктуален.

Подумай, сколько шагов тебе понадобится, чтобы выбраться через дверь у окна?

А через ту, что около шкафа?

Или у тумбочки-развалюхи, где ты нашел чьи-то череп и туфли?

Найди кратчайший путь. Слыхал об алгоритме Дейкстры[2]? Вообрази, что до крыльца тебе идти миллиарды лет. Рассчитывай ходы в комнатах. Выбери минимум.

Задачка на пять баллов и жизнь в подарок. Ошибешься – сгоришь вместе с домом.

---

[2] Алгоритм Дейкстры – алгоритм на графах (абстрактных объектах, представляющих собой множество вершин, соединенных линиями). Ищет кратчайшие пути от одной из вершин до всех остальных.

Это несложно.

Я ошибся всего раз.

Найди кратчайший путь или шипи на сковороде.

Представь: жена звонит тебе и щебечет, что ты выиграл в любимой лотерее. Но на кой тебе эти деньги, если ты скоро поджаришься?

Надеюсь, уяснил.

А сейчас – вперед.

Попытайся спасти мою историю.

* * *

Я скольжу пальцами по шершавой кирпичной стене. Мне пять. Я люблю игрушечную железную дорогу, подаренную батей на день рождения. Это же улет! И пусть паровоз по ней не ездит. Пусть он с браком. Я едва уломал матушку, чтобы она его не выкидывала и не меняла.

А еще я люблю предков. Пинать камни. Пугать всех вокруг и нырять в волны.

Я хорошо плаваю.

Матушка переживает, что со мной не дружат сверстники. Я объясняю ей – зря.

Дома́, хоть и не сверстники, но тоже ничего.

Не помню, когда это началось. Но раньше, чем я научился говорить.

Матушка водит меня к врачу. Тот показывает картинки,

а я замечаю не то, что следует обычному мальчику. Да, чудовище. Да, с тремя желтыми глазами на каждой из голов. Если бы оно жило в нашем доме, его морды выглядывали бы из окон чердака. Вот смеху-то было бы! Я бы кормил его блинчиками.

Матушке не нравится мое воображение. Она его удалит, точно. Поэтому мне страшно к ней приближаться, когда она держит нож. По ночам матушка жалуется бате, что со мной *что-то не так*.

Если честно, я боюсь. Вдруг она выгонит нас с бракованным паровозом из дому? Интересно, есть ли пункты обмена детей?

Однажды за завтраком матушка цапает меня за запястье и просит, чтобы я никому не говорил о друзьях-домах. Наверное, боится, что я буду выглядеть странно.

Я обижаюсь на матушку, и дом обижается вместе со мной.

Со стола падает стакан. Матушка уверена, что пихнула его локтем.

Но я в курсе: это дом грустит. Дом хочет дружить с ней. А она – нет.

Его сердце в подобные моменты тикает чаще обычного. Предки удивляются, почему часы спешат, и возвращают стрелки обратно.

Дому больно. Он плачет – протекает крыша. Всегда – хоть чини, хоть не чини.

Ты до сих пор здесь, Вячеслав? Неужто не нашел часы?

Тогда читай вслух. Поднимись и постарайся не задохнуться. Хрусти лопатками, не опускай глаза. Вот так. И подбородок – выше.

Не бойся смерти, пока она не скажет: «Здравствуй. Как поживаешь?»

* * *

Мне шесть. Матушка бросила попытки сделать меня *нормальным*. Не обращает внимания, как я жмусь к стене и что-то бормочу. Ну и ладно. Зато со мной дружат протекающая крыша и половицы.

Я спрашиваю у дома:

– Как жизнь?

А он отвечает:

– *Отлично.*

Спрашиваю:

– Почему я?

А он отвечает:

– *Ты славный малый.*

Спрашиваю:

– Я случайно не псих?

А он отвечает:

– *У тебя просто протекает крыша.*

Не бойся безумия, пока оно не скажет: «Здравствуй. Как поживаешь?»

Мне семь.

Со мной по-прежнему не дружат сверстники. Я хожу в школу. Мертвую школу. По крайней мере, она молчит. Я пробовал с ней заговорить, а она ни в какую. Или упрямая, или и правда сдохла.

Может, она невзлюбила учеников. Может, виновато сердце-часы – здесь оно тикает тише, чем дома.

Может, школа больна.

Мне так и не удалили фантазию.

И почему матушка до сих пор не обменяла меня на кого-то получше? На что она надеется?

Впрочем, паровоз я тоже не обменял. И ни на что не надеюсь.

Мне восемь.

Я провожу все свободное время у себя в комнате. Прижимаюсь к обоям так, что краснеет ухо – иногда дом шепчет чересчур неразборчиво.

Одноклассники обзывают меня маменькиным сынком. А все потому, что я отправляюсь домой в шесть, ведь уже темнеет. Я боюсь. Ночью голоса домов особенно различимы.

Одноклассники обзывают меня кирпичом. А все потому, что я часто прислушиваюсь к стенам, сливаюсь с ними. «И лицо приплюснутое», – заявляет Пашка, главный придурок поселка, – долговязый, с белыми-белыми седыми волосами,

хотя ему всего восемь, и с длинными, девчачьими ресницами. Странно, что над ним никто не подшучивает.

Одноклассники обзывают меня сумасшедшим. А все потому, что моя крыша протекает.

Мы с домом – близнецы. Только я не давлюсь штукатуркой.

В первый день осени банда во главе с Пашкой перелезает через забор и кидает камни в мое окно.

Маменькин сынок.

Кирпич.

Сумасшедший.

Осколки летят в разные стороны. Сердце дома тикает быстрее и быстрее и, должно быть, спешит на часов сорок. Больно, больно. Как же ему больно.

Мальчишки гогочут. Они попали в цель и проучили негодяя.

Я не успеваю увернуться – камень попадает мне в лоб – и растекаюсь лужицей по полу.

Мальчишки грозятся меня закопать, скормить крысам, законсервировать вместо огурцов. Но вскоре крики обрываются. Я с трудом доползаю до подоконника и пялюсь в окно: у Пашки из носа льется кровь – пачкает рубашку, капает на траву. Рядом – разбитый горшок с землей и пока не проросшими матушкиными цветами.

– Спасибо, – мямлю я, гладя стену.

Дом меня защищает.

Мы – друзья.

Этим же вечером к нам заявляются предки Пашки и визжат, что я сломал их сыну нос.

– А вы нам окно разбили, – парирует батя. – Смотрите, что у Захара на лбу!

К тому времени моя шишка приобретает размеры Земли.

– Ваш Паша перелез через забор, – подключается матушка, гладя меня по башке с таким усердием, что я боюсь, не останусь ли лысым.

Они грызутся, наверное, вечность – я успеваю сосчитать до ста и обратно – а после разбегаются как ни в чем не бывало, мысленно посылая друг друга к черту. Я молюсь, чтобы нас с домом никто не тронул.

За ужином предки косятся на меня с опаской, и матушка не выдерживает:

– Нельзя кидать горшки, Захар. Ты же это понимаешь? – Она отодвигает тарелку, выпрямляется, вытягивается и, кажется, худеет, как кусок теста. Длинная-длинная матушка стремится к потолку. – Они поступили ужасно. Но и ты не лучше.

Я засасываю спагетти и мотаю головой:

– Это не я.

– А кто?

– Не я.

– Не ври нам, Захар, – встревает батя.

– Я не вру.

Матушкина макушка достает до потолка, дом изгибается дугой.

А потом мне на целых четыре недели запрещают гулять после школы. Жаль, ведь я люблю знакомиться с новыми домами.

Постепенно матушка приобретает прежние размеры и отправляется мыть посуду.

Ночью, когда предки умолкают, я прислоняюсь ухом к стене и спрашиваю:

– Тебе больно?

А дом отвечает:

– *Будет фингал.*

* * *

В начале каждого месяца к нам забегает соседка, местный милиционер[3]. Я не в курсе, зачем мы ей понадобились, но она без устали болтает, какой ухоженный у нас огород, и дарит яблоки (или клубнику, смородину – по сезону), хвастаясь, что у нее много уродилось. Зимой приносит пироги. И так во все дома.

Люди говорят, она не в себе. Что ее бросил ухажер, и от страданий ее психика превратилась в сельдь под шубой, при-

---

[3] Действие книги происходит ранее 2011 года, когда был принят закон о переименовании милиции. – *Примеч. ред.*

чем шубой очень-очень толстой.

Но я им не верю. Она поворачивается ко мне и, точно лучами, пронизывает взглядом. Не как предки, будто сопереживает, будто дошло до нее, что у меня воспаленная фантазия.

– Добрый день. А я вам фрукты принесла. Дай, думаю, порадую любимых соседей. – И топчется на пороге с корзиной яблок.

Ох, как же она мне не нравится.

Предки жалеют соседку, впускают, а я обычно прячусь в прихожей за шкафом, но она неизменно меня находит. *Специально*.

– Какой замечательный у вас мальчишка! Почему он в углу?

– Играет, – оправдывается матушка. – Это… детский невроз. Воображает, что дома живые.

– Вы водили его к врачу? – Она поправляет блондинистые косы и пялится на меня, не моргает – глаза вот-вот выпадут. Ух, ведьма.

– Да-да…

Еще чуть-чуть, и корзина затрещит – так сильно она ее стискивает.

– Думаю, это детская фантазия. Но я бы не распространялась на вашем месте…

Странный совет. Даже я, восьмилетний ребенок, это понимаю.

Соседка взлохмачивает мне волосы, задевает плечом стену, что-то ищет, но безрезультатно. После ее визитов дом долго молчит. Он боится, но никогда не признается, чего именно.

2
Анна
[После]

Наше время

Я сижу в кухне за ноутбуком и кликаю на иконку почты. На столе стоят часы, и их цоканье усиливает мою головную боль. В каждом нейроне тикает. Я жду взрыва, но ничего не случается. Ложная тревога. Постоянно.

Спустя три месяца мне пришло письмо из издательства «Сокол». Три месяца с тех пор, как моя рукопись упорхнула на рассмотрение к десяти редакторам.

Вчера ответили «Полюсы»: не тот формат. Позавчера – «Ирисы»: чересчур тяжелый стиль. А неделю назад моя любимая «Сенсация» заявила, что книгу никто не купит, тема заезженная. И далее по списку. Знаю, правы. Знаю и от этого хочется выкинуть ноутбук в окно и выкинуться самой.

Я проиграла. Девять издательств отказали.

А сейчас я читаю письмо от десятого издательства.

Сокол, сокол, позволь мне расправить крылья. Ты же понимаешь, как это здорово – летать.

Но сокол – жестокая птица. Сообщение рубцами-буквами пилит мои крылья. Ой, задело нерв. Ой, второй. Ой, режет

сухожилия. Ой, выводит на спине кровавое «нет».

Ой, я мертва.

Я писала книгу год – о птицах и сладости полета. Ха-ха. В следующий раз напишу о домах: у них нет крыльев.

В ушах почти не тикает – взрыв отменяется. Переносится на следующую неделю. Вторая я, злая Аня-подрывник заболела – еще в детстве, прячась под кроватью и вдыхая запах гари. Из соседней комнаты доносилась выученная наизусть песня, звучащая в моем «тик-так».

Подрывник выздоровеет. Подрывник обещает.

Кто-то звонит в дверь.

Я щелкаю замком – на пороге топчется Рита. Моя двоюродная сестра – взлохмаченная, мокрая, точно побывавшая в центрифуге. А вообще, я не удивлюсь, если она в ней живет, – в другом образе я ее не видела. В носу – сережка-череп, губы под цвет артериальной крови, брови густые – волосинки торчат в разные стороны. Шерсть облезшего кота, не иначе.

– Дождь, – объясняет она. – Пора отдавать мой зонтик, Аня. Я ненадолго, на работу опаздываю.

Рита фитнес-тренер. Практикует пилатес и йогу. Гнется, как лист бумаги. Однажды я сходила к ней на гамаки[4], а потом целый день боялась, что земля проломится подо мной, как картонка. Раз – и я провалюсь; два – и планета меня проглотит.

---

[4] Fly-йога – йога на гамаках.

Раньше я жила с Ритой и Виталиной Семеновной, моей тетей, – и каждый день слушала музыку для медитации. Сомнительное удовольствие. Теперь – слава небесам! – я снимаю квартиру с видом на шедевры уличных художников. Стены соседнего дома украшает мурал[5] – девушка в синем платье, символизирующая воду. На другой многоэтажке – парень с корзиной овощей: плодородие. Косится на девушку в синем платье и будто просит ее о чем-то. Зря – она одержима водой, ей не до него.

– Как ты? – интересуется Рита, прорываясь в комнату.

Я улыбаюсь – у меня отпуск. Разве люди в отпуске грустят? Отдыхающий человек – человек, словно сошедший со снимка, сделанного на день рождения. Особенно, если он преподает на компьютерных курсах.

Я учу школьников пользоваться фотошопом. Они клацают колпачками, размышляют о чем-то другом, для них более важном, часто поглядывают в телефоны. Но есть и *особенные* ученики. Однажды я закончила занятие на три минуты раньше, и Борька Иглов ткнул меня носом в свои наручные часы: рано, мол, давайте дальше. Я так разозлилась, что оставила его еще на час, а потом вечером долго топталась под душем, пытаясь заглушить водой проклятое тиканье.

– Решила, куда поедешь? – допытывается Рита, ища в шкафу зонтик. – Отпуск как-никак.

– Да, – чеканю я.

---

[5] Мурал – живопись на архитектурных сооружениях.

И вновь тикаю.

Аня-подрывник не спит. Она рядом и обожает «Наутилусов».

Рита извлекает из шкафа зонтик.

– Куда же?

– К морю. В *наш* поселок.

Она резко выпрямляется – так, что едва не роняет зонтик. Громко-громко. Между нами с Ритой повисает напряжение, и кажется, будто квартира трещит по швам. В кухне свистит чайник, жужжит ноутбук, но сейчас это неважно. Важно лишь то, что я уезжаю в отпуск.

– Ты… серьезно?

Она вздыхает, смотрит сквозь, между – в прошлое. Туда, где я, маленькая девочка, сидела под кроватью и изучала чьи-то пыльные ботинки, дрожала, мечтала, чтобы пахло яблоками, а не гарью.

– Сегодня пришел десятый отказ…

– Ясно.

– Я не расстраиваюсь. – Фраза слишком скрипит на зубах, чтобы быть правдой. – Я *найду* себя. Вспомню. Напишу новую книгу. Ее издадут.

Рита стучит зонтиком по полу, словно старается проломить пол и сбежать от сумасшедшей сестры к ядру Земли. Скорее всего, там уютнее, чем у меня дома.

– Конечно, – внезапно соглашается Рита. – Езжай. Давно пора. Я в тебя верю.

А между вдохом и выдохом таится безнадежное «не». Рита боится ляпнуть лишнего, чтобы меня не накрыла паническая атака. Боится, что где-то в сознании я откопаю новый пазл из прошлого. А там, у моря, подальше от пыльных дорог, ей не придется пихать в мою глотку антидепрессанты. Ее просто не будет рядом.

Нам лучше быть порознь. Вообразить только, она перестанет трезвонить мне по утрам якобы из-за зонтика, перекрикивать меня банальным «не переживай», вздрагивать от каждого моего движения… Все отсрочится на время отпуска, а может, и навсегда. Я не проломлю Рите череп стулом, если вдруг мне почудится, что она – враг. Подрывник в пыльных ботинках, обожающий «Наутилусов».

Я забуду, что такое вина.

У меня не появится очередной пробел в памяти. Я не буду гоняться за случившимся, как сейчас – за родным домом. Зато смогу написать бестселлер, когда все вспомню.

К черту тайны.

Нам будет спокойнее друг без друга. И Виталине Семеновне – тоже. Десять лет назад Ритина мама стала и моей тоже. Это единственное, что нас объединяет. Отца я не видела. «Родители давным-давно разбежались», – объяснила Рита, когда я только-только к ним переехала.

– Занятия… – Сестра прикусывает губу. – Почему ты забросила йогу? Тебе полезно…

Когда пропала моя мама, Виталина Семеновна вызвала

полицию. Те долго рыскали по лесу, возле которого меня нашли, а потом вернулись с неутешительной новостью. Тора Рэу упала со скалы. Ее обглодали местные волки.

А я… я выбралась на трассу. Добрый дальнобойщик притормозил, заметив малютку на дороге. Я молчала и дулась неизвестно на кого – на мужчину или на весь мир. Он взял меня с собой, каким-то чудом выпытал адрес родственников, и уже ночью надо мной хлопотала Виталина Семеновна.

Эту историю я миллион раз слышала от Риты. Сама же – как ластиком все стерла, залепила изолентой, заглушила любимой песней чужака в сапогах, спрятала под кроватью.

Моя мама оставила меня, чтобы спрыгнуть со скалы. Волки, должно быть, обрадовались.

– Я еду в поселок, – отрезала я, давая Рите понять, что разговор окончен.

Мне нужно испугаться, чтобы *почувствовать*. До крови на зубах. До осипшего голоса и легких-камней. Вскрыть себя и изучить изнутри.

Рита бросает взгляд на часы и в ужасе подпрыгивает.

– Ну что, сестренка, мне пора. Хорошего отдыха. – Она обнимает меня, как обнимают, прощаясь насовсем. – Ань, а что, если… книги этого не стоят?

Я отстраняюсь и качаю головой. Снова. Снова. Снова.

– Ладно. Звони, если что. Хотя бы ради мамы.

Тик-так. Часы в кухне спешат. *Те* – опаздывали. Возможно, из-за них опоздала и я.

Возможно, из-за них опоздала и мама.

* * *

Я в автобусе. Впереди плещется море. Поселок застрял между скалами, как между разрушающимися зубами.

Он был моим домом.

Он был моим.

Он был.

Да и я – вряд ли есть. Я тоже *была*.

От города до поселка – полчаса езды. Мало, да. Но для меня – вечность. Я собиралась сюда десять лет.

За окном плывут скалы; хижины, тонущие в земле, как в болоте; покореженные деревья – засохшие, стремящиеся вниз, а не к небу. Это похоже на воспроизведение старого фильма, незаслуженно забытого, который лежал в ящике, в пыли полвека, а сейчас его откопали. Он оживает заново. Еще чуть-чуть – и я нажму на play. Еще чуть-чуть – и я начнусь. Надоело жить на паузе.

Я видела эти скалы. Людей с загаром на шее и ниже плеч. Коров на пастбищах. Обветшалые дома, которые без конца латают, точно любимые платья. Ржавую арку, заглатывающую жителей поселка из года в год.

Здесь два пути – принимать туристов и лелеять молодые ростки огурцов, но моя мама нашла третий – потерянный, заросший, среди сосен и скал.

Здравствуй, поселок. Расскажи обо мне. Испугай. Тогда я сумею быть настоящей в книгах. Я мечтаю осветить темные углы. У тебя хорошие фонари. Ты… одолжишь их?

Я выпрыгиваю из автобуса и достаю чемодан. Я старалась не брать много вещей, поэтому поднимаю его почти без усилий. Колесики тонут в грязи.

Пыхнув на прощание, автобус исчезает в утреннем тумане. Грязно-белый, в желтую полоску, он ждал своего часа полвека вместе с фильмом-воспоминанием.

Я щурюсь. На часах без десяти семь. Малолюдно, лишь несколько человек копошатся на огородах. Здесь нет муралов. Хижины заросли плесенью и мхом, но эти стены ничем не уступают городским – плесень похожа на картины-муралы. На ближней, возле арки, – летучая мышь, не иначе. На той, что за ней, – черные цветы.

А вот и рисунок-монстр. Он пялится на меня желтенькими глазами-цветочками. Шею сжимает лоза винограда. Его кто-то решил повесить. Или он сам повесился?

Этот дом выше остальных – здесь четыре этажа. Левую сторону подлатали, утеплили и закрасили, а правая – разлагается.

Дом – наполовину труп.

К дощатому забору прибита табличка: «Есть свободные номера».

Значит, база отдыха. Через приоткрытую калитку я вижу заасфальтированную тропинку. Сквозь трещины пробивает-

ся трава, чуть поодаль притаилась беседка. Все ждут чего-то, даже декоративный гном на пне.

– Можно войти? – выкрикиваю я, но тут же прикусываю язык. Слишком рано.

Из-за прогнивших крыш выглядывает море. Оно дышит на поселок. Шумит. Кажется, мы с ним общались, изучали язык друг друга.

Я уже думаю брести на пляж, как вдруг со стороны настенного монстра раздается стук. В окнах – никого, занавески задернуты.

Где-то лает собака.

Тсс, я своя.

Своя.

По крайней мере была своей.

– Помоги, – шепчет кто-то.

В тишине утра голос звучит неестественно. Словно я попала в театр одного актера и за моей спиной сейчас взорвутся аплодисменты.

Но аплодирует только море.

– Кто здесь?

Из беседки выходит кто-то маленький, одетый в длинную белую рубаху. На голове – бумажный пакет с прорезями для глаз. Мальчик?..

– Помоги, – повторяет он.

Ему не больше десяти. *Прямо как мне тогда*. Жаль, что на моем пути не встретилась сумасшедшая писательница с

частичными пробелами в памяти. Уж она бы меня спасла.

– Что-то случилось?

Мальчик демонстрирует руку, которую до этого держал за спиной. С ладошки стекает красная жидкость.

– Я убил. Убил.

Мир плывет.

Море гонит волны.

Море чистое и прозрачное, хоть и утопило миллионы людей.

А этот мальчик в крови. Он умоляет меня *о чем-то*. Меня. А впрочем, какой я герой. Скорее жертва.

– К… Кого ты убил?

– Всех, – всхлипывает он. – Я боюсь, что мама разозлится.

Тик-так. Сейчас самое время нажать на «пуск» и взорвать клочки рассудка. Ты готов, подрывник? Где твоя музыка?

Горло царапают колючки вопросов. Вызвать скорую? Полицию? Увезти этого ребенка или бежать самой?

Дети не бывают злыми.

Не бывают.

– Помоги, – упрямо повторяет он. – Здесь, на первом этаже. Нужно их похоронить.

Я призываю себя к здравому смыслу, но какой, к черту, здравый смысл, когда это мой шанс окунуться во тьму, испугать себя, почувствовать, как кровь стынет и протыкает меня ледяными иголками?

В экстренных ситуациях я возвращаюсь в прошлое. Каса-

ясь губами смерти, я всегда нащупываю *ту* дверь.

Этот малыш – неплохой персонаж. Но… почему он родился не в книге? Почему здесь, в поселке?

Я открываю калитку настежь. Стук-стук-стук – стучат мои каблуки. Громко, будто вбивают гвозди в чей-то висок.

– Зачем ты это сделал? – хриплю я.

Вблизи настенный монстр и мальчик похожи. Наверное, без пакета на голове малыш бы выглядел точно так же – с желтыми цветочками вместо глаз.

– Было интересно, как они умирают.

Он идет за мной.

У меня немеют пальцы.

Шагов мальчика не слышно. Что, если он призрак? Что, если мне это чудится, и я дома? Что, если рядом сидит Рита и пытается вернуть меня в реальность, вытащить из мерзкого сна, дергая за волосы? Она торопится на работу, злится, топает ногами, говорит со мной откровенно. Так, как не говорит, когда я в сознании.

Я замираю на пороге.

– Как тебя зовут?

Дверь болтается на сквозняке – здесь не ждали гостей. И, скорее всего, никогда не будут ждать.

– Темыч.

Я оборачиваюсь и окидываю мальчика взглядом. Что с ним творится? Как бы я хотела заполучить его тайны! Безумие – вот что всегда будет манить.

Я тяну к нему ладонь.

– Ты… боялся?

– Нет.

– Плакал?

– Нет. Экспериментировал.

Я заберу этого ребенка в книгу. Он мне нужен больше, чем этому миру. Превращу его в буквы. Он будет счастлив, я буду счастлива. Мы потеряем рассудок вместе.

– Почему ты стоишь? – Мальчик толкает меня окровавленной рукой, вымазывает мое запястье. – Мы должны их похоронить.

Я переступаю порог. Передо мной – длинный коридор. По бокам – два прохода. Если бы здесь не было крыши, сверху бы планировка напоминала крест.

Дом – кладбище.

Дом – могильная яма.

Я свожу лопатки до боли.

– Куда?

Не убивай меня, ребенок. Я написала не все книги. Кто, если не я, поможет тебе обратиться в буквы?

– Прямо.

Дверь в конце коридора распахнута, я не заметила ее сразу. На сквозняке танцует занавеска. Пахнет сыростью. Мне уже не до мальчика. Я жалею, что согласилась на его просьбу. Мы приближаемся к основанию креста. А что дальше?

Правильно, земля.

Не хороните меня.
Умоляю.

3
Захар
[До]

Мне девять.

Я ни на миг не расстаюсь со стареньким проигрывателем. Правда, я стесняюсь включать его, когда рядом кто-то есть, поэтому врубаю музыку только в гостях у тикающей заброшки, моего нового приятеля.

Я обожаю гулять перед школой. Люди спят – дома не спят никогда. Они не обзываются ни маменькиным сынком, ни Кирпичом, ни сумасшедшим. Они – друзья.

Иногда мы болтаем вслух, но чаще – мысленно. Это удобно и не вызывает подозрений.

Дома защищают меня от Пашки и его шайки, изо дня в день ошивающихся то у магазина, то возле моего приятеля с выбитыми окнами. А мой приятель плачет и хрустит половицами, как трехсотлетний старик костями. Вместо чая – дождевые лужи, вместо торта – дохлые крысы. Но я его люблю. Он знает почти обо всех зданиях в поселке. Вот тебе и стопроцентное зрение.

В твоем доме, Захар, говорит, жил пьяница. Родственники его забрали в город. Жилье продали. А Пашка, говорит, спит с плюшевым медведем и включенным светом. И хра-

пит, храпит-то как!

Мой приятель следит за каждым. У домов общие глаза.

Я заливаюсь слезами от хохота – Пашка и медведь, надо же! – и снова тону в пыли и грязи тикающего друга. Мне плевать на новенькие кроссовки и упавший в лужу рюкзак. Я не брошу дом. Тем более он делится со мной такими тайнами.

Мой заклятый враг спит со светом. Умора ведь!

И все бы ничего, если бы Пашка за мной не следил. Но, к счастью, однажды встретив меня, он не успел даже шевельнуться: мой приятель напал на него. Оконная рама едва не превратила дурачка в паштет. *Сквозняк*. Пашка вылетел из дома с шишкой на лбу и ушибленной ногой.

Предки злятся, когда я защищаюсь. И как бы я ни клялся, что не виноват, мы вновь тащимся к врачу. Я выкладываю ему о дружбе с домами, а он слушает с ангельской невозмутимостью, но руки-то подрагивают – меня не проведешь.

Доктор назначает мне пилюли и заявляет, что «я тяжелый ребенок, и нервные срывы в моем возрасте – почти норма». Предки покупают гору кругленьких таблеточек, но я лишь притворяюсь, что глотаю, и скармливаю их унитазу. Потом – надеваю наушники: матушка и батя подарили на девятилетие. Теперь во время скандалов я включаю музыку.

Мы словно в клипе «Сны» моего любимого «Аквариума». Раз – матушка ерошит волосы. Два – батя подходит ко мне вплотную. Три – во рту горчит очередная порция «обеда для унитаза».

Когда все паршиво, я мысленно пою песни. Да и когда хорошо – тоже.

Включаю «Замок».

Матушка отчитывает меня за ушибленную ногу Пашки.

Удачи тем, кто ищет.
Покоя тем, кто спит.[6]

К нам вламываются предки Паши. Скорее всего, они мечтают, чтобы я сдох. Я смотрю немое кино в их исполнении – не хуже Чарли Чаплина!

Гаснущие листья
Затоптаны в гранит.

После немого кино ребята в школе косятся на меня, как на шевелящийся дом, а потом – на Пашку. Тот бесится, зыркает на них и постоянно лезет в драку.

Учителя тоже меня боятся. Перед уроками я подслушиваю их беседу в преподавательской. Они не понимают, откуда в щуплом мальчике, не достающем даже до выключателя в классе, столько сил. Сетуют на предков, мол, те не уследили, и мое место – в специальном учреждении. Но я сомневаюсь, что такое *специальное учреждение* существует.

Щеки обжигает, будто я окунулся в кипящий суп. Я краду из класса мел – хотя бы какая-то польза от школы, – закиды-

[6] Здесь и далее цитирование песни «Удачи тем, кто ищет» группы «Аквариум».

ваю на плечо рюкзак и несусь прочь.

Пусть радуются, я смылся!

Печальнее печали
Назвать сестрой печаль…

Заброшенный дом клонится над поселком длинной тенью, вгрызается в холм, расправив покореженные крылья-ворота. Однажды он проболтался, что мечтает взлететь. И поклялся, что взял бы меня с собой. Мы бы улетели туда, где люди не шарахаются от тикающих потолков. В *специальное учреждение*.

Рядом с ним растут две яблони – огромные и старые, вот-вот надломятся. Со стороны леса – запасной вход через подвал, но я иду через главный.

Секунду мнусь на пороге, а после – прошмыгиваю в скелет комнаты. Скелет – потому что у дома нет кожи и мышц. Он почти мертвец, но… тикает. Разбитые стекла под оконной рамой, обломки досок, прогнившие полочки-гробики – все *тикает, тикает, тикает*.

Я достаю мелки и прислоняюсь к кирпичной стене.

– Привет, Ворон! Давай я нарисую кота! Тогда тебе не будет так скучно. Мы с тобой ведь не всегда вместе.

Они часто называют себя птицами. Мой дом – Воробей. Маленький, но воинственный. Этот – Ворон. Старый больной Ворон.

Дом качает валяющимися досками. Соглашается.

Я надавливаю мелком на сырой кирпич. Кот получается здоровенный и пушистый. Ура! Теперь друг не загрустит – с таким-то питомцем!

– *Спасибо*, – скрипит лестница.

– *Спасибо*, – шуршат лохмотья на окнах.

– *Спасибо*, – стучат двери на сквозняке.

– Кто в тебе жил?

Затхлый воздух проникает в меня, и вот я уже сам – затхлый воздух.

– *Старики с котом*, – отвечает Ворон. – *Хозяин был моряком, а хозяйка играла в шашки сама с собой и обожала французский шансон*.

Я изучаю тумбочку у лестницы. Целехонькая, как ни странно. На ней разбросаны белые шашки и тикает мини-будильник. Zahnrad, – это название выгравировано под циферблатом. Ворон не любит, когда я до них дотрагиваюсь, плюется в меня штукатуркой.

Часы в пыли, но работают, чеканят резко. Они бессмертны. В них – непортящиеся батарейки. Я знаю это с рождения. Просто знаю и все.

Я надеваю наушники.

А в небе черной тушью —
Чугун и всплеск ветвей…

Следующим утром вместо школы я мчусь к Ворону. Здесь мой дом, мое *учреждение*. Если бы предки разрешили, я бы переселился сюда.

– Расскажи еще что-нибудь о хозяевах.

Я плюхаюсь на подоконник. Отсюда комната выглядит не как скелет – тумбочка с часами и шашками, лестница на второй этаж. Мой здоровенный кот.

– *Хозяйка называла кота Облаком.*

– Почему?

– *Он был черным, а на спине – меченный белым пятном. Что-то вроде борьбы грозовых туч с облаками, ясно?*

– Что же ты молчал? – я подскакиваю и устремляюсь к рисунку. – Сейчас добавим реалистичности!

Но добавлять ничего не нужно: кот уже *меченый*.

– Откуда? – я пячусь. Сердце колотится прямо в горле. – Сам постарался?

– *Нет. Но тому, кто нарисовал, не помешала бы твоя помощь. Я… чувствую. Ей плохо.*

– Ей?

– *Через три улицы от нас, крайний дом. Ласточка.*

Я заваливаю Ворона вопросами, но он будто воды *в окна* набрал и заклеил их изолентой. Как бы я ни старался вытрясти из него что-нибудь полезное – тщетно. Он умеет пугать.

Я надеваю рюкзак и выныриваю на свежий воздух.

Ей плохо.

Человеку, нарисовавшему облако, плохо.

Она заболела? Ее тоже бьет Пашка? Ей *удалили фантазию?*

Я бегу. Через каждый шаг спотыкаюсь о камни и ямы на обочине, чертыхаюсь, но продолжаю спешить к своему новому другу (или врагу?). Улицы как специально удлиняются, расширяются, давятся засохшими ветками и машинами.

Я все-таки падаю, но тут же поднимаю голову и подрываюсь.

Третья улица. Крайний дом. Он и правда как ласточка: чистый, светлый. Вот-вот взлетит воздушным шариком. В саду растут яблони и цветы. Здесь нет огорода.

Нет. Огорода.

Как эти люди живут?

Если не вспашешь землю – не вырастут овощи.

Если не вырастут овощи – ничего не продашь.

Если ничего не продашь – не получишь денег.

Если не получишь денег – не будет еды.

Если не будет еды – сдохнешь.

Эти правила знает каждый ребенок в поселке.

Ясно теперь, почему моему другу-врагу плохо – у нее нет еды.

Калитка качается на сквозняке, дверь распахнута настежь. Ненавижу орать на всю улицу, так что… придется пугать. Круче, когда внезапно.

Дом обволакивает меня тоненьким «помогипомогипомоги».

Я проскальзываю в сад и крадусь по траве. Что, если Ласточка – это портал в мир, где у людей растут только цветы и яблони?

Я прижимаюсь к стене, заглядываю в окно и убеждаю себя, что мое дыхание – просто шелест листьев, а я сам – дерево. *Мамочки-пожалуйста-я-всего-лишь-дерево-не-трогайте-меня.*

Девочка лет восьми забилась в угол и раскачивается из стороны в сторону. По щекам текут слезы, платьице в грязи, кудряшки растрепаны.

Она как взорвавшаяся хлопушка. Наверное, недавно расчесывалась, любовалась отражением в зеркале. А потом – бах! – и на полу валяется конфетти.

Из соседней комнаты доносятся возгласы: кто-то кого-то торопит. Кто-то кого-то ругает, причем так зло, точно убить собирается. А девочка все плачет и плачет. Я боюсь, что скоро она затопит Ласточку и наш поселок.

В висках – песня «Аквариума». Она постоянно со мной. Впору снимать немое кино.

> Да будет шаг твой легок,
> Пока не кончен сон…

Если бы у меня на ладони имелась кнопка повтора, я бы продырявил ее.

В кухню вваливается здоровенный мужик с маской клоу-

на. Хотя клоун из него так себе.

– Заткнись! – рявкает он.

Но девочка всхлипывает громче прежнего.

– Где родители хранят деньги? – Мужик трясет ее за острые плечики. – Да не реви ты!

Я обвожу взглядом сад и не нахожу ничего, что могло бы нас спасти. А нет. Нахожу. У хозблока валяется ржавая лопата – близко, метра четыре, не больше.

Вдох-выдох.

Вдох-выдох.

Я дерево, дерево, дерево…

Прыжок, второй. Лопата моя. Я пинаю ее носком кроссовка и подхватываю, с размаху бью по окну.

Осколки летят на «клоуна».

Дом трещит от боли.

– Что ж ты не защищалась, Ласточка? Терпи, – почти беззвучно лепечу я и прошмыгиваю в нишу за яблоней.

Самозванцы не заметят. Они пришли *развлекать* не меня.

Помоги, Ласточка, давай. Выпроводи гадов!

Я глажу ее по водосточной трубе. Губы прижимаются к ледяной побелке. Я еще не сталкивался с такими скромными домами. Обычно каменные существа борются и хлопают дверями, если от этого зависит их жизнь.

Умоляю, Ласточка, не медли. Сколько тебе? Дай угадаю: нет и года? Наплюй на возраст и помоги хозяйке. У тебя это *в крови*.

На веранде появляются трое громил в дурацких масках.

Вперед, Ласточка. Самое время хлопнуть дверями. В прямом смысле.

Клоун-блондин прилип к стеклу – изучает участок.

– Они вернулись.

Его товарищи держат руки в карманах, и мне даже представить страшно, что они там прячут.

– Валим.

Но «свалить» они не успевают. Раз – и захлопывается замок на пути к их спасению. Два – задвигается щеколда в кухню.

Молодец, Ласточка!

– Бей окна! – вопит светловолосый упырь.

Но он не в курсе, что *окна тоже умеют бить*. Самому высокому достается по лбу рамой. Рядом с блондином лопается стекло, осколок впивается ему в ногу. Тот, что общался с «хлопушкой», получает в грудь ожившим шкафом.

Ха-ха! Знай наших!

Я заглядываю в кухню. Девочка до сих пор качается и всхлипывает.

– Иди сюда, – зову ее я.

Но она не обращает на меня внимания. Хлопушка, блин. Взорвалась и оглушила сама себя. Расстроилась из-за испорченной прически.

Я перемахиваю через подоконник и приземляюсь у холодильника. Хватаю девчонку за локоть. Она с ужасом тара-

щится куда-то между нами и роняет тихое «отпусти».

– Мы спрячемся. – Я расправляю плечи и включаю режим командира. – За мной.

Мы прошмыгиваем в разбитое окно и несемся прочь. За нашими спинами раздается ругань клоунов. Им больше некого развлекать. Не сомневаюсь, они заметили нас и решили, что это мы их покалечили. Обычные люди думают именно так.

Как хорошо быть домом. Тебя никто не наказывает. Твори, что в голову взбредет, круши столы, потолки, рыдай, трещи половицами – всем плевать. Ты ведь дом. Тебя не поставят в угол. В тебе самом полно углов.

Мимо нас проносятся стройные ряды баклажанов, картошки и помидоров. Соседи вскапывают огороды и с подозрением косятся на нас. Странно, что никто не слышал звона стекла. Или слышал, но не обратил внимания. Готов поклясться, так и есть. Еще одно правило: не обращай внимания.

Мы мчимся ко мне. Мой Воробей наверняка нас защитит.

– Я устала, – хнычет девчонка.

– Тогда возвращайся домой и пригласи их на чай!

Клоуны не преследуют нас, но темпа мы не сбавляем – на всякий пожарный. Я-то наученный. Расслабишься – проиграешь. Споткнешься – проиграешь. Разревешься – проиграешь.

– Еще чуть-чуть, – обещаю я.

Воробей выныривает из-за очередного поворота. Наконец-то! Мы влетаем ко мне и, даже не стянув обувь, поднимаемся в мою комнату. Для пущего эффекта я подпираю дверь столом. Предков нет – днем они частенько торгуют. Я ощущаю себя супергероем, спасающим планету, и звоню в милицию. С трудом вспоминаю адрес.

Растяпа!

Дяденька обещает, что к нам скоро приедут.

Девчонка топчется в углу и ковыряет мизинцем обои. У меня никогда не было гостей. Особенно – *таких*. Как поступают радушные хозяева? Угощают чаем? Приглашают присесть? Болтают о погоде?

– Чувствуй себя как дома, – выдавливаю я, звеня мелочью в кармане. – Как тебя зовут?

Гостья отшатывается от обоев и вздергивает подбородок.

– Тора.

– Тора?

– Люблю сокращать, – объясняет она. – Полное – Виктория.

– А я Захар. Сколько тебе лет?

– Девять.

– Когда день рождения?

– Был в августе. Пятого.

Супергерой во мне окончательно вытесняет маменькиного-сынка-сумасшедшего-Кирпича. Я старше этой девчонки на целых два месяца. Малявка. Ну ничего, я ведь взрослый.

Я о ней позабочусь.

– А у меня в июне.

Но ей нет дела до моего возраста. Она хмурится и думает о чем-то так усердно, что ее голова едва не лопается.

– Как у тебя вышло…

– Что?

– Это.

Слезы на ее щеках высохли. Хмурая и дрожащая, в белом кружевном платьице, девчонка подходит Воробью больше, чем я сам. Сейчас бы сфотографировать ее…

Тора и люстра.

Тора и мой стол.

Тора и ковер.

Мне впервые настолько неуютно в собственном доме. Точно Воробей хочет выплюнуть меня вместе с цветочным горшком на Пашкину башку.

– Кто-то кричал. Я шел на звук.

– Врешь.

– Нет.

Я почти уверен, что Тора тоже общается с *ними*, но пока она не проболтается, буду молчать. Одно дело – изображать шизика при Пашке, другое – при красивой девчонке.

– Замки сами захлопнулись. Она так не умеет. Или… не умела.

– Кто?

– Она.

– Плохо просила, – огрызаюсь я, но тут же прикусываю язык.

– А ты – хорошо? – Тора опирается ладонями на стол. – Ой…

Она закатывает рукав: кожа на локте содрана.

– Сейчас.

Я выскальзываю в коридор – приходится отодвинуть стол – и приношу из кухни аптечку, а заодно – книгу с красным крестом и золотистой надписью на обложке: «Первая помощь».

Тора приземляется на диван. Состроив умное лицо, я листаю оглавление и натыкаюсь на графу «Поверхностные раны».

– Мне ведь не череп проломили, – хихикает Тора. – Обработай и все.

– Не мешай, – отмахиваюсь я.

– Если бы я умирала, ты бы ни за что не успел.

Я достаю перекись, вату, марлю и зеленку. Супергерой превращается в доктора, оперирующего тяжелого больного.

Струйки пота текут по лбу.

Я удаляю грязь и мажу края раны зеленкой, даю ей просохнуть, а после – заматываю бинтом. И представляю, как выбегаю в коридор к родственникам, как объявляю, что операция прошла успешно. Что пациент выжил. Меня осыпают благодарностями, заваливают цветами, не обзывают Кирпичом.

– Спасибо, – фыркает Тора. – Ты забавный.

Между передними верхними зубами у нее чернеет щелочка. Девочка-хлопушка. Девочка-сладкая-вата.

– Почему это забавный?

– Никогда не видела, чтобы оказывали первую помощь с учебником под мышкой.

– А я никогда не видел, как оказывают первую помощь. – Я прячу бинты в коробку. – Где твои пред… родители?

– Работают.

Кто-то стучится.

Мы спускаемся. Я крадусь к окну и приподнимаю занавески. На крыльце стоит дяденька в синей форме. Милиционер.

Мы выкладываем ему все в подробностях, утаив лишь, что нас защитила Ласточка. Тора клянется, что запирает замки, когда предки на работе, но клоуны прикинулись соседями. Мол, пришли по просьбе матушки и бати. Тора бы ни за что не повелась, но воры назвали имя ее любимой игрушки-кота. Она сшила его сама и окрестила Облаком.

Облаком. У меня по спине пробегает холодок.

– Скорее всего, они когда-то подслушали мой разговор с родителями. А я, дурочка, уши развесила.

Мы идем к Ласточке, и милиционер обыскивает ее, опрашивает соседей. Я описываю ему клоунов и клянусь, что, гуляя, просто проходил мимо.

Мы дозваниваемся предкам Торы, и уже через полчаса они заваливают нас вопросами: «Что случилось?», «Поче-

му?», «Кто этот мальчик?», «Он твой друг?», «Как вы справились с ворами?», «Сильно поранилась?»

Я старательно притворяюсь, что меня не существует. Пялюсь в небо, слюни пускаю. Короче, играю в пристукнутого. После визита к доктору мне это почти удается. А по мнению матушки мне это удается отлично.

Тора мотает головой и тычет пальчиком в рану. Ишь какая, тоже умеет падать на дурочку. Ее предки с подозрением косятся на меня.

– Он гулял неподалеку от нашего дома, – все же решается Тора. – И слава богу, что гулял.

Меня награждают конфетами и жареными орехами. Я извиняюсь за выбитое окно. А мне отвечают: «Неважно».

Я впервые выдаю столько слов за день, впервые общаюсь так долго с людьми.

– Спасибо, – шепчет на прощание Тора.

Слабо тикает Ласточка.

Прости, подруга.

Наш поселок маленький, и когда я возвращаюсь домой, предки встречают меня с открытыми ртами. Я вновь повторяю легенду.

Чересчур много слов.

Я бы не отказался и правда превратиться в кирпич, в частичку дома – и слушателей не было бы. Красота!

– Молодец, сынок. – Матушка гладит меня по плечу осторожно, словно боится, что я рассыплюсь. – Но… постарайся

больше не попадать в передряги, ладно?

4
Анна
[После]

Я опускаю чемодан и разочарованно интересуюсь:

– Что это?

Лишь крохотная часть Анны Рэу ликует: ребенок-маньяк – маньяк только наполовину. Темыч не солгал. Он правда устроил резню. Для игрушек.

У мохнатого зайчика, едва ли не большего, чем хозяин, отрезаны уши. Макушка щедро смазана красным. Я вспоминаю об испачканных ладонях и облизываю алые пятна.

Смородина.

Ску-ко-та.

Ты не прошел экзамен, Темыч. Я передумала тебя красть. Ты плохой персонаж.

В дальнем углу валяются копыта жирафа и куски ватного мяса. У плюшевой лягушки отрезаны лапки. Кукла, умеющая моргать, лежит со вспоротым животом. Полое тельце набито красными тряпками.

На люстре висит хвост кота. Игрушечного, естественно.

Обои в цветочек покрыты алыми брызгами.

Мы и правда в могиле. Заживо похороненные с несчастными зверями.

– Зачем? – я поднимаю с пола бесхвостого кота и прячу пальцы в «окровавленную» шерсть.

– Играл в смерть.

Темыч не спешит ко мне. Он застыл на пороге и, клянусь, взглядом кромсает из меня снежинки.

Я погорячилась. Мальчик может пригодиться, если удивит.

Пройди испытание и получи приз.

Никто из моих персонажей не играл в смерть. Мальчишка будет эксклюзивом, болезнью книги, ее шизофренией. Но, как ни странно, истории за это и любят. Истории, но не людей. Людей – боятся.

Ему лучше со мной.

– Ты интересный ребенок, Темыч. – Я обнимаю покалеченного кота. – За что ты его?

– Понравился?

– Да.

– Дарю. Но хвост оставь. Я… *не наигрался*.

Мы молчим – скорбим об игрушках. Считаем капельки крови на обоях. Странно: пять минут назад я бы предпочла считать цветочки, но теперь – мальчишка *заразил* меня.

– Зачем приехала?

– За прошлым, – отзываюсь я.

– Здесь его нет. Сто пудов. По крайней мере, я не встречал. – Темыч чешет нос сквозь пакет. – Поспрашивай *у них*. Они в курсе. Они встречали.

– Кто – они?

– Игрушки.

Как только я отворачиваюсь, чтобы осмотреться, этот дьяволенок с пакетом на голове запирает меня. Скрипят половицы. Шлепают шаги.

– Темыч?

Черт.

Он… пошел за ножом?

Нет.

Он закопал нас с игрушками. И поставил крест.

Я стискиваю кота до дрожи в пальцах.

– Открой.

– Угадай, где живет прошлое, – раздается из коридора.

– Без понятия.

– Там, где и мои игрушки.

Нигде.

Очень смешно.

– Темыч, открой. – Я пинаю коленом дверь. – Открой немедленно! Позови родителей!

И барабаню что есть мочи.

Интересно, как бы отреагировала Рита? Расхохоталась бы мне в лицо? Выплюнула бы что-то вроде «Ну ты и дура, сестренка. Зачем пошла за ненормальным?» Или… «А вы подружитесь. Вы *почти близнецы*».

Комната обнимает меня, душит. Давит на уши. А стопы Темыча шлепают все дальше и дальше.

– Куда? Куда ты?

Я подаюсь к окну. Пора, Анна. Хватит на сегодня приключений.

Игрушки пялятся на меня, ждут чего-то, но я унесу лишь кота. Он мой. Я постираю его и пришью новый хвост. Назову *Облаком*: у него на спине огромное белое пятно.

Мы подружимся.

Я прислоняюсь к окну.

Если разобью пару стекол, получу свободу.

Вскоре сцены с искалеченными игрушками посереют в памяти. Я их отретуширую, уберу кровавые брызги, замажу несчастные мордочки, сниму с головы сумасшедшего мальчика пакет, нарисую ему улыбку.

Через неделю – скомкаю эту комнату, как дурацкую фотографию, и швырну в урну. Забуду о ней навечно. И не вспомню, что стряслось десять лет назад.

Потому что я убью страх.

Я обнимаю кота и жмурюсь. Нельзя прятаться. Нельзя отгораживаться от безумия. Темыч – мое лекарство. Таблетки от амнезии. Знать бы только, какая доза смертельна.

Я представляю, как мальчик идет в кухню. Как роется в ящике со столовыми приборами. Как мечтает, чтобы я пополнила его коллекцию мертвых игрушек. Чтобы он, кот и я были *не разлей вода*.

Я хотела превратить его в буквы. Он хочет превратить меня в фарш. Он хороший повар.

Что будет через неделю? Процентов сто – я все забуду. Мертвецы не злопамятны.

Рита примчится и наймет дешевого детектива. Виталина Семеновна будет глотать успокоительные вместо завтрака, обеда и ужина. К моим ученикам заявится новый преподаватель, который сойдет с ума от щелканья ручки. Вышвырнет ее в окно. Запретит детям во время занятия мечтать.

А я буду с котом и Темычем. Они расковыряют мое «было».

Подрывник близко. Он почти вылечился. Он включает мне фильм, мои единственные воспоминания из детства, где я…

Тик-так.

…сижу под кроватью и шарахаюсь от сапог. Пыльных, потрескавшихся. Они скоро распадутся на атомы, а хозяин до сих пор их не выкидывает. Любит.

Интересно, а что еще он любит? Рисовать? Петь? *Уничтожать?*

Я зажимаю уши ладонями – больно. Вчера мне их прокололи, но я терплю. Лишь бы не слышать песню. Ее включил чужак – на запредельной громкости. Нельзя так. Любой плеер предупреждает, что нельзя. Но чужаку из моего воспоминания плевать. Он не боится оглохнуть. Он боится чего-то другого, и это «что-то» прячется в нашем доме.

Тик-так.

Песня клубится дымом. Заполняет пространство расплав-

ленным металлом. Я и есть расплавленный металл.

Через миг все застывает, температура падает на тысячу градусов. Плеер умолкает. Чужак включает новую песню. А я, кусок остывающего металла, не могу пошевелиться. Из меня можно выковать железные набойки для пыльных сапог.

Я бы хорошо стучала в ритм *этой* песне.

Нас, как видеопленку, кто-то перематывает. Кому-то скучно. Кто-то ищет сцену поинтереснее.

Я на макушке холма. Дом рядом, но уже не со мной. Ветер треплет мои волосы.

Я обнимаю плюшевого кота с белым пятном на спине. *Облако?..*

Лес дышит в затылок. Он не воткнет мне нож между лопаток. По крайней мере, без моего ведома. Он мой друг.

Дом полыхает. Дом – печка. Огонь пожирает мои шторы.

Визг пронизывает воздух. Точно строители проложили между кирпичами голос, а не цемент. Он таился много лет, ждал пламя и – дождался.

Я чувствую почти физически, как сгорают мои рисунки. Мама любила развешивать их по комнате, чтобы прятать пожелтевшие обои.

Я сжимаю кота до звездочек в глазах. Он – единственное доказательство того, что дом *существовал*. Мама держит меня за плечи и, если сейчас же не ослабит хватку, сломает их, как одноразовую вилку.

Тик-так.

Над нами пролетает ворон.

– Мам, это он! – кричу я и устремляюсь в лес.

* * *

Босые ноги шлепают по кафелю. Раздается стук. Кто-то ломится в комнату. Что, если этот «кто-то» поможет мне отыскать себя?

Я размазываюсь по обоям и сочусь через трещины пола. Скоро, скоро я впитаюсь в землю.

– Артем, что ты вытворяешь? Зачем тебе лопата?

Голос почти детский, сонный и спокойный. Он не представляет, кто перед ним. Или представляет слишком хорошо.

– Я собираюсь похоронить игрушки.

– Ты опять за старое?

Суета. Хныканье. Скрежет… лопаты?

Ступни затекли. Я чертыхаюсь: когда во мне *оглушительно* тикали часы, я сидела, забившись в угол и обняв Облако.

Облако.

Где же он тебя нашел?

Кот наблюдает за мной со смертельным безразличием. Он забыл, как мы дружили, да и я тоже.

Щелкает замок. Я поднимаюсь и одергиваю платье, новое, в горошек. Сейчас на нем серые полоски грязи и алые пятна псевдокрови.

– Вы кто? – На пороге появляется женщина лет сорока. Глаза наполнены теплотой, как огромные солнца. Кудри – белоснежные облака. Она и сама как облако. Бесхвостый кот подошел бы ей куда больше, чем мне.

Я переминаюсь с ноги на ногу.

– Извините. Ваш мальчик… Он позвал меня.

Из-за спины женщины выглядывает Темыч – без дурацкого пакета. Я наконец могу его рассмотреть: он – уменьшенная версия мамы. На щеке – родимое пятно, по форме напоминающее настенного монстра.

– Он говорил, что… – я закусываю губу и киваю на кота.

– Я Илона.

Мы жмем друг другу руки.

– Аня.

Она держит мою ладонь чересчур долго для обычной гостеприимной хозяйки, словно мы прощаемся, а не здороваемся.

– Очень приятно. – Илона гладит мальчика по почти лысой макушке. – Что нужно сказать, Артем?

– Простите, – морщится мальчик. – Я не специально вас напугал.

– Славно. А теперь беги к папе.

Темыч машет мне и, застыв в тени коридора, кидает, обернувшись:

– Нашла, что искала?

Этот мальчик чересчур серьезен для ребенка. Будто в ма-

ленькое тельце запихнули взрослого, и он не может разорвать кожу и выбраться.

– Нашла.

Илона стягивает с люстры хвост кота.

– Комнату ищете?

– Да. Приехала полчаса назад.

Она предлагает мне поселиться на втором этаже и – тараторит, тараторит, тараторит так быстро, что я половину пропускаю мимо ушей:

– …называемся «Свежесть». Как думаете почему? Конечно, из-за кондиционеров в каждой комнате. У нас очень уютно и красиво. Это слова гостей, не мои. Во дворе – камеры, ворам сюда не проникнуть. По утрам – горячие круассаны с шоколадом. Лидочка волшебница, а не повар!..

Бла-бла-бла.

Забрав чемодан, я поднимаюсь за Илоной по лестнице. Она обещает снизить для меня цену на пятнадцать процентов за стресс.

Мы ныряем в коридор, пустой, выложенный кафелем. Он *стерилен*, как скальпель перед операцией.

Такой чистоты не бывает в обычном доме – наверное, хозяевам есть что скрывать. К примеру, мальчиков с пакетами на головах или трупы игрушек.

Илона всучивает мне ключи и хвост Облака.

– Артем же вам подарил кота, да?

Мы пересекаем коридор и замираем у последней двери.

Дернув за ручку, Илона пропускает меня вперед. Пахнет стиральным порошком. В углу гремит холодильник, а вместе с ним и граненые стаканы на его макушке. Люстра с абажуром и кисточками, кровать на пружинах, скрученный полосатый матрац – так выглядит мой временный дом.

– Обустраивайтесь, – сияет Илона. – Столовая в соседнем домике. Маленькое оранжевое здание. Лидочка волшебница, а не повар!

– Вы говорили.

– Правда? Простите… о чем это я? Ах да, завтрак через час!

– Спасибо. – Лучезарность Илоны не дает мне покоя. – Темыч… ваш сын?

На миг ее глаза-солнца затмевают тучи, но она быстро успокаивается.

– *Артем*. Дурацкое сокращение. – Она взлохмачивает волосы. – Да, сын.

– Он издевается над игрушками. С ним что-то…

…Не так.

– Мы пытаемся ему объяснить, но он же мальчишка. Любит хулиганить. Клянусь, – Илона хватает меня за локоть, – он *нормальный*. Ему нравится играть в смерть, вот и все. Он больше не будет вас пугать.

От напора Илоны рука плавно превращается в пластилин, и я с виноватой улыбкой высвобождаюсь из ее хватки.

– Ну, располагайтесь. И… приглашаю вас вечером на кон-

церт. В рок-клуб на пляже. – Илона разворачивается к выходу. – Хм, Артем неплохо заманивает клиентов, правда?

Я глотаю нервный смешок и обнимаю Облако. Пальцы щекочет мокрая от «крови» шерсть.

– А можно вопрос? Где вы нашли кота?

– Ах, его. На холме возле леса. Он мне сразу же понравился. У бедняги оторвался хвост, и нам пришлось похлопотать над ним. Кстати, это его проклятие.

– Какое?

– Терять хвосты.

«А вместе с ними – и хозяев», – думаю я.

* * *

Я забираюсь в ванну и окунаюсь в прохладную воду. Этим летом я бы здесь ночевала. Шумит кран. Гогочет, визжит, словно пытается сообщить о чем-то важном.

Когда я ныряю и поднимаю под водой веки, вертикальные красные полосы на обоях запутываются в огромный узел. Сердце, не иначе. В реальности линии идеально прямые, будто здесь кого-то зарезали и струйки крови стекают по стенам.

В умывальнике лежит мокрый Облако. Я почти отстирала пятно на нем.

Легкие лопаются от воздуха, давят на грудную клетку. Если бы я писала об убийствах, то местом действия сделала бы именно эту ванную комнату.

Закончив с купанием, я раскладываю вещи и спешу в столовую. Тарелки выдает пожилая женщина. В морщинах на ее лице вполне бы спрятался континент. Где-то между зелеными тенями и ярко-фиолетовой помадой она потеряла красоту.

Я читаю имя на бейджике. Лидия.

Волшебница, а не повар.

– Приятного аппетита. – Она протягивает мне порцию пюре и расплывается в улыбке. – Только приехали? Илона предупреждала.

– Да. Спасибо.

– Вы к нам оздоравливаться или путешествовать?

– Уладить кое-что.

Улыбка сжимается гармошкой.

– Что же?

Пока я сочиняю правдоподобную историю, Лидия хватает меня за запястье:

– Как ваша фамилия, девочка? Мы нигде не встречались?

Она смотрит куда-то мимо моих глаз. Выше. На брови?..

Конечно.

На родинки. У меня на лбу – два пятнышка. Единственное, чем я выделяюсь. Все первым делом таращатся не на жирные русые волосы и не на чересчур худую талию. Все таращатся на родинки.

– Так как фамилия-то?

– Рэу. Анна Рэу.

– Как? Рэу?

– Да.

Лидия отстраняется и чуть не смахивает с подноса тарелки. Закусывает губу. Из дырявой гармошки сочится кровь.

– Зачем приехала? Радуйся, девка, что свалила из этой дыры.

Как странно: сказал фамилию – и ты свой. Сказал фамилию – и тебя выгоняют из дома.

– Что? Я вас не понимаю.

За мной собралась очередь из пяти человек, и на мой вопрос Лидия не отвечает.

– Круассаны на витрине. Приятного аппетита. Через пару часов после завтрака Илона проводит тренировки у моря. Йога. Составишь компанию?

Намек?..

Я соглашаюсь в надежде, что после занятия Лидия проговорится о чем-нибудь важном, и падаю за столик в углу. Крохотный зал не просторнее моей комнаты. Пахнет выпечкой и супом.

У Илоны мало отдыхающих – три семьи и я. Для каждой компании – свой столик.

Время от времени я ловлю на себе взгляд Лидии. Теперь ее губы не растягиваются гармошкой. Она серьезна. Нет, в ее морщинах спрятан не континент, а нечто иное, до боли похожее на очертания поселка. Я бы обколола Лидию коллагеном, чтобы разгадать ее тайны, но сомневаюсь, что после

этого она выжила бы.

Люди, гремя вилками, завтракают. Они чужаки – их никто не выгонит. Им рады, потому что через неделю они соберут чемоданы и если и вернутся, то лишь через год.

Я ем быстро как никогда. Внимание Лидии ощутимо почти физически. Жжется, смешивается с кровью, сплетается с моим тиканьем.

Сбежав из столовой, я два часа слоняюсь по участку. Монстр с желтыми глазками следит за моими движениями, липнет даже на расстоянии. Вместе с ним из окна второго этажа за мной наблюдает черноволосая женщина. Солнце слепит, и я не вижу ее лица.

Интересно, в ванной незнакомки обои тоже в красную полоску?

Темыч бродит возле забора с палкой.

– Ты что-то ищешь?

– Хвост. Мама куда-то спрятала хвост.

Мимо нас пролетает Лидия в парео и шляпе с полями, на которых уместилось бы тарелки четыре.

– Жду тебя, Аня.

Я поднимаюсь к себе и переодеваюсь в купальник. Если верить ощущениям, за сегодня я поправилась килограммов на пять, и дело не в сытном завтраке. Внимание жителей поселка тоннами липнет к коже.

Лучше бы этот фильм под названием «Мое прошлое» лежал в закромах ящика. Он слишком реален.

А впрочем, у меня есть шанс поймать за хвост воспоминания. Главное, чтобы у воспоминаний он не отрывался так же хорошо, как у Облака.

Я спешу за Лидией. Дороги плавятся, трескаются, сохнут. Если солнце расщедрится еще на градус, поселок превратится в пепел. За холмом шумит море. Я ускоряюсь. Все улицы ведут к пляжу. С высоты, наверное, они похожи на тетрадь в линейку, исписанную ужасным почерком. Дома-слова, параллельные дороги, стремящиеся за красную черту, к морю… Рискнешь пересечь, не взяв спасательный жилет, – барахтайся сам.

И я рискую.

Тону вьетнамками в раскаленном песке. Ветер бьет в лицо. *Спасибо, что не в спину.*

Я окунаю ступни в воду.

Здравствуй, море. Мы дружили. Помнишь? Ты пенилось, гнало волны, пробовало меня на вкус, как сейчас.

Ты скучало?

Я выросла, представляешь? Теперь я тону в буквах, а не в тебе. Хочешь тоже стать буквами?

На пляже пусто, лишь человек десять выстроилось в круг у шезлонгов. Среди них – Илона. Заметив меня, она машет рукой.

Интересно, Рита с ней знакома? Они бы поладили.

Занятие начинается с разминки. Я стараюсь повторять за Илоной, но получается плохо. Зато у Лидии – лучше всех. И

пусть с виду ей лет триста, она излучает силу. Не удивлюсь, если перед сном она снимает морщинистую кожу, линяет, как змея.

– Не запрокидывайте голову! – командует Илона. – Поднимите плечи и тянитесь подбородком вверх. – Она поправляет каждого, лепит из нас скульптуры. – Как, по-вашему, чем хороши асаны на равновесие? – Так и не дождавшись ответа, Илона продолжает: – У вас прорабатываются все мышцы, вы концентрируете внимание и избавляетесь от лишних мыслей. Зацепитесь взглядом за какую-нибудь крошечную деталь и замрите. Она вас удержит, не сомневайтесь.

Я чувствую себя побитой изнутри, но, как ни странно, чистой и сосредоточенной. Кошусь на Лидию и восхищаюсь ее выносливостью. Поза собаки, планка, поза орла – все ей дается с легкостью. Даже не подозревая, она втаптывает мою самооценку в раскаленный песок.

А я… я так и не нашла крошечную деталь.

– Молодец, Аня. Для первого раза неплохо, – хвалит меня Илона, когда занятие заканчивается.

К нам присоединяется Лидия.

– Довольно неплохо.

Здесь, под ярким солнцем, рядом с солеными водами, она стареет еще лет на семьсот. Они с морем ровесники. Разница в одном: у моря нет срока годности, ее – на исходе.

У Лидии сплошной купальник и седые волосы, завязанные в хвост. Должно быть, она приехала на том же автобусе,

что и я – со станции «Прошлое».

Илона желает нам приятного дня и удаляется. Люди разбредаются по пляжу – все, кроме Лидии. Та чертит пяткой круг и ждет, когда я заговорю. Но я не решаюсь.

– Тебе здесь не место, – выдает она, поняв, что я могу молчать вечно.

Мы заходим в море.

– Почему? – вскидываю брови я.

Из-за ледяных волн по телу расползаются мурашки. Странно, что в жару море не прогрелось.

– Я верю в легенды. Все здесь верят.

– Что за легенды?

– Вообрази, герой: тебе на макушку падает люстра. Секунда – и тебя нет.

Лидия исчезает под водой.

Я считаю до десяти. Сердце замирает – что, если она утонула? Я уже собираюсь нырять следом, как вдруг Лидия всплывает в сантиметре от меня.

– О чем бы ты подумала, если бы я заявила, что у домов есть рты и зубы? – Ухмылка. Длинная дырявая гармошка. – О чем бы ты подумала, если бы стала их руками?

Я пячусь. В воде шаги получаются приторно-медленными. Море заодно с этой шизофреничкой.

Лидия фыркает.

– Сегодня на обед суп с фрикадельками. Объедение.

Так и не ответив ей, я выбегаю из воды. *Прочь, прочь с*

пляжа. Спрятаться бы в чемодан, упаковать бы себя среди платьев и забыть бы о странных домах и их обитателях.

Я мчусь на базу – босиком. Плевать, что земля жарит ступни быстрее, чем сковорода яичницу.

Темыч до сих пор ищет хвост. Женщина на втором этаже вновь за мной следит. Если бы она не коснулась ладонью стекла, я бы приняла ее за реалистичную куклу.

Скорее всего, после моего приезда время застыло, запеклось раной.

Или… у часов сели батарейки.

5
Захар
[До]

Моя жизнь меняется. Как дырявый свитер с затяжкой: шевельнешься – приблизишься на шаг к смерти. Я натыкаюсь на Тору в школе каждый день. И сразу меня вызывают к доске, ставят двойки, ругают за невыученные уроки. Черная кошка, чтоб ее! Она здоровается со мной и подмигивает – что за чертовщина?! – по-сто-ян-но.

Но зато – не обзывается Кирпичом.

Не дубасит учебниками по башке.

Она просто роняет: «Привет».

Иногда предлагает орехи.

Но я боюсь ее настроения-сладкой-ваты. Знает ли Тора, что я псих? Дошло ли до этой дурочки, кто разбил окно в Ласточке?

Я пообещал себе сохранить тайну. Пусть Хлопушка считает, что я нормальный. Что у нее завелось НЛО. Что мир сошел с ума.

Лишь бы я был обычным в ее глазах.

Как же я любил перед школой заходить к Ворону! Но Тора все испортила и тоже начала навещать дом по утрам. Я уступил. Теперь мое время – вечером.

Она обводит мелком наш рисунок Облака.

Я обвожу.

Не сговариваясь, мы создаем расписание. Ворон спрашивает меня о Торе. Невдомек ему, почему мы до сих пор не объяснились.

Но о тайнах лучше молчать. Иначе какие это тайны?

По крайней мере, я так считал. До тех прекраснейших пор, пока Тора не разрушила наш распорядок и не явилась к Ворону вечером.

Застала врасплох, чего уж отмазываться. И вот я уже чувствую себя комаром, превратившимся в кашу от удара ладошкой.

– Как ты меня нашел? – интересуется Тора. Хамка, даже не здоровается. – И что ты здесь забыл?

Она взлохмачивает кудряшки и морщится. Кармашек платья оттопыривается под весом содержимого. Я в курсе, что там, – пачка мелков. У нас одинаковые. Тора пришла обводить Облако, чтобы Ворон не скучал.

Мои щеки полыхают – температура поднимается, не иначе. Сколько там максимум? Сорок? Сорок два? А у меня внутри пятьдесят. Я плавлюсь. Надеюсь, Ворон не расстроится, если я растекусь по полу кровавой лужицей.

– Что. Ты. Здесь. Забыл?

– Гуляю. А ты?

Я обычный мальчик, не Кирпич и не шизик, люблю заброшки и играть в классики, честное-слово-поверь-пожа-

луйста-я-нормальный.

Ворон тихо хихикает. «Не смешно», – мысленно одергиваю его я.

– Это ты нарисовал кота, – подытоживает Тора. – Долго еще ждать?

– Чего жать?

– Правды!

– Мне было скучно, и я решил…

Она хватает меня за запястье. А коготки-то острые! Точно кошка.

– Я не буду обзываться, Захар. Неужели твой котелок до сих пор не переварил, что мы… *два сапога пара*?

На ее ресничках блестят слезы.

– Врешь.

Я высвобождаюсь и достаю мелок.

Тора дружит с кучей девчонок, которые не обзывают ее Кирпичом. Торины предки не твердят, что с дочуркой «что-то не так». Она не выращивает овощи. Ее не водят к врачу. Ей не пытаются удалить фантазию.

А я грызусь с Пашкой. Скармливаю унитазу кругленькие таблетки, как дохлых рыбок. Общаюсь с домами.

Вывод: Тора хочет забрать у меня Ворона.

– Я не вру, Захар, – всхлипывает она. – Я принесла тебе жареных орехов. Будешь?

Она протягивает мне целый кулек.

– Почему тебя не водят к врачам? Мы ведь психи, разве

нет?

– Ласточка теперь меня слушается.

Моя кожа продолжает плавиться. Готов поклясться, на лбу огромными красными буквами проявилась надпись: «ШИЗИК».

– Поздравляю…

– Она сама выключила свет и заперлась, когда я легла спать. Я *оживила* ее пять месяцев назад. Она совсем кроха, мало что умеет.

Тора подается к часам Ворона и гладит их мизинцем.

– Что? – вспыхиваю я.

Штукатурка не сыплется, потолок не рушится. Дом подпускает ее к сердцу, словно это парк развлечений.

Предатель!

– Ворон, ты чего? Ты доверяешь ей больше, чем мне?

– *Однажды она не побоялась штукатурки. А я побоялся швырнуть в нее булыжником*, – хрипит Ворон. – *Не обижайся…*

– Да пошли вы!

Я бросаю кулак в стену и мчусь на улицу.

Небо заволокло тучами, сумерки размыли поселок. Я ускоряюсь, чтобы не исчезнуть во тьме, несусь мимо дремлющих домов и, когда внутри все не только кипит, но и болит, вырываюсь на пляж.

Да, предки ждут меня к ужину, но сегодня я опоздаю.

На берегу нет хижин – чем не идеальное место?

Море штормит. Шепчет, шуршит и плещется, но в школе нас не учат его языку. Сколько бы историй оно поведало?

Я снимаю ботинки. Волны облизывают ступни – холодно. Как раз, чтобы остыть.

Предатель, предатель, предатель.

Повелся на байки глупой девчонки, которая младше меня на целых два месяца! Нам с Вороном не нужны никакие Торы. Они все портят. Девчонки всегда все портят.

А теперь я буду учить язык моря – с Zahnrad покончено.

Я возвращаюсь домой поздно. Предки ругают меня, когда я захлопываю дверь в спальню перед их носом. Матушка вновь жалуется бате, что со мной «что-то не так», вновь предлагает мне съездить к доктору, но я отказываюсь.

Отказываюсь.

Отказываюсь.

Весь следующий месяц.

Я спорю с ними. Топлю таблетки в унитазе. Дружу лишь с Воробьем. Врубаю погромче музыку, чтобы мое «спорю-топлю-дружу» превратилось в клип. Воробей подпевает. Он всегда подпевает.

Последний дождь – уже почти не дождь;
Смотри, как просто в нем найти покой.[7]

---

[7] Здесь и далее цитирование песни «С той стороны зеркального стекла» группы «Аквариум».

Дышу.

Ем.

Дышу.

Сплю.

Дышу.

Гуляю по пляжу, слушаю «Аквариум» и «Наутилусов».

Дышу, дышу, дышу…

Моей фантазии пора в отпуск. Месяца три назад, когда я еще не знал эту наглую девчонку, Ворон спросил у меня:

– *Когда люди устают, что они делают?*

– Берут отпуск, – ответил я.

– *Отпуск?*

– Ну, некоторые едут в горы. Некоторые – на море, к нам.

– *Придет время, и я устану, Захар.* – Ворон закряхтел и хлопнул оконными рамами. – *Если я когда-нибудь замолчу, не сомневайся: я на море.*

– Дурачок! – захохотал я. – Ты и так на море!

Тогда я не понял Ворона, а сейчас сам хочу в отпуск.

Наушники разрываются на максимальной громкости.

Ах, только б не кончалась эта ночь;
Мне кажется, мой дом уже не дом.

Я не навещаю Ворона и не обвожу Облако. Избегаю в школе Тору. Ради такого дела я даже расписание ее вызубрил. Пашка почти меня не трогает. Фингал не в счет. Предки ра-

дуются, что после учебы я спешу домой и запираюсь в своей комнате, а не лазаю по заброшкам. Им плевать, чем я занимаюсь. Главное – никому не проломлю череп. Нет, они не говорят об этом мне – они говорят об этом друг другу.

Зато Воробей со мной по-прежнему общается. Его старенькие часы тикают в кухне. Я поинтересовался у предков, откуда они взялись, *сколько лет нашему дому*, а матушка сказала, что раньше их дарили направо и налево. Какая-то акция от нового предприятия – рекламировали себя.

Я бы и дальше жил в пределах своей комнаты (если забыть о прогулках в школу и обратно), но девочка-сладкая-вата опять все испортила.

Плетусь я, значит, с учебы. И тут – визг со стороны Ворона, да такой, что помидоры на огородах вянут.

Я бы не вмешивался, если бы не узнал эти вопли. Тора. Снова она.

– Помогите!

Покореженные ворота машут мне, но я не обращаю на них внимания – еще чего! – и проскальзываю в дом. Обстановочка не поменялась: пыльные тряпки, дощаной пол, наш рисунок, часы на тумбочке, шашки. Хотя нет, поменялась. Добавилась Тора, привязанная к дряхлой табуретке. На виске – ссадина. Руки – в синяках.

– Что случилось? Это… *Ворон*?

– Да освободи же ты меня! – рявкает Хлопушка.

Я развязываю веревки и озираюсь. Здесь только мы.

– Почему *он* тебя не спас?

– После того как ты бросил его, он не подает признаков жизни. *Ворон почти устал*. Ты понимаешь, о чем я?

Тора подрывается и разминает спину. Она ведет себя так, точно и не звала на помощь. Точно ела мороженое с подругой и внезапно решила нагрянуть в гости к приятелю.

Я касаюсь ладонью ее раны.

– Кто тебя побил?

– Пашка.

– Вы же учитесь в разных классах! – выпучиваю глаза я.

– Да уж, преграда!

Наверное, я спал месяцев сорок и лишь сейчас очнулся.

– Я его спровоцировала. Ляпнула, что он слабак и неудачник. Что до сих пор читает детские сказочки.

– Серьезно?

– Да. У нас же с тобой общие источники, не забывай, – подмигивает она. – Он гнался за мной, но я этого и добивалась.

– Зачем?

Нет, все же я проспал месяцев сто.

– Да чтоб ты, дурак, проведал друга. И меня заодно.

Я таращусь на нее, помятую, с синяками на коленках. Она сошла с ума. Маленьким девочкам нельзя так поступать.

– Это плохо, – хмурюсь я.

– Но ведь подействовало же. Пашка хотел, чтобы я провела в заброшенном доме целую ночь. «Ворон… Так вы его

называете? Ты ведь любишь его, чего тебе это стоит?» – передразнивает его Тора. – Только он не в курсе, что мне это действительно ничего не стоит.

– Ты ненормальная.

– Ты тоже.

Я бы сам побил ее за такие выходки, но, боюсь, *разобьется*.

В уши – словно кто-то ваты напихал. Ворон дуется на меня, как девчонка, а я… я глотаю слезы. Соскучился-таки. Позор, позор! Я стискиваю зубы. Пусть хоть ломаются – не реветь же перед Хлопушкой.

– Мы рады, что ты нас простил. – Тора повисает на моей шее.

Я хлопаю ее по плечу – надеюсь, именно так поступают настоящие мужчины – и вытираю рукавом слезу, пока Тора не отлипла.

С этого дня мы начинаем дружить. Ворон постепенно оживает и рассказывает нам все больше и больше историй о своих хозяевах. Как под Новый год Облако смылся из дому и вернулся под бой курантов. Как жена развесила письма мужа в спальне вместо обоев. Как супруги обмакнули ладони в чернила и после очередной разлуки сделали отпечатки на стене, чтобы возвращаться домой и вспоминать друг о друге.

Мы с Торой тут же натыкаемся на тусклые пятна над часами.

О-фи-геть!

Спустя черт знает сколько лет отпечатки почти стерлись, но история Ворона будто подкрасила их.

Мы прислоняемся ладонями к серым обоям.

– Круто! – Хлопушка ведет пальчиком по контуру отпечатков. – Что с ними случилось, Ворон?

– *Они умерли от старости. Детей у них не было. И я… я скучаю по ним.*

– Не смей грустить! Теперь мы вместе.

– Вместе, – подтверждаю я.

* * *

Следующим вечером Тора приглашает меня в гости. Классно, конечно, но я чувствую себя паршивее некуда. С непривычки, наверное.

Это похоже на праздник: ты моешься, чистишь зубы без подзатыльника матушки, выбираешь, что надеть, и натягиваешь самые чистые носки. Главное – зашитые. Причесываешься аж второй раз за день!

Предки косятся на меня, как на идиота. Или *наоборот* – как на улучшенную версию сыночка, которого не стыдно повести на день рождения к соседке.

– Вы чего? – я стараюсь говорить как обычно, и это уже само по себе странно.

– Куда ты? – интересуется батя.

– К подруге в гости.

– У тебя появилась подруга? Как ее зовут?

– Тора.

– Тора? Прозвище? – Матушка поглядывает на телефон. Как пить дать позвонит моему врачу, когда я слиняю.

– Сокращенное от Виктории. Живет на соседней улице. Учится в четвертом «Б». Это ее я спас.

Матушка косится на тумбочку, где валяются мои таблетки, и кусает губу.

– Хорошо тебе погулять, сынок, – кивает она.

Я вылетаю на крыльцо и молюсь, чтобы предки не позвонили доктору.

Дверь захлопывается. Через открытую форточку слышно, как матушка затевает старую песню под названием «Что-то не так». Но ведь сегодня я… улучшенная версия. Почему что-то не так, мама? Я надел самые чистые носки. Без дырок. Причесался. Я не болтал в твоем присутствии с Воробьем и не швырялся цветочными горшками.

Что со мной не так сегодня?

Я оглядываюсь и машу рукой – скорее дому, чем предкам, а мне машет калитка.

Сегодня странный день: соседи слишком улыбчивые, здороваются громко и по-доброму (их хижины – тоже), никто не пытается меня прибить. Солнце чересчур печет – дефективный ноябрь.

И я весь такой чистый. Еще бы, праздник! Иду в гости.

Я застываю перед Ласточкой.

Привет, птичка. Ты не изменилась – лишь окна новые. Надеюсь, ты не плакала.

Во двор выбегает Хлопушка и тянет меня в дом. Хвастается, что впервые сама приготовила яблочный пирог с орехами.

Предки Торы суетятся в кухне и зовут нас к себе.

Совсем недавно здесь ругались клоуны, а сейчас Ласточка дышит уютом: гудит холодильник, закипает чайник, на столе – скатерть в цветочек, из печки – аромат корицы.

Матушка Торы тараторит без умолку, и единственное, что я успеваю переварить – имена: тетя Марина и дядя Антон. Они обнажают все тридцать два и подсовывают мне табуретку, словно не видят мой диагноз под названием «Что-то не так». Наливают чай, спрашивают, как дела. У меня давно никто не спрашивал, как дела.

Тетя Марина достает из духовки пирог, разрезает и накладывает каждому по кусочку. Я сразу же его пробую. Вкуснотища!

Тора щебечет о школе, о куклах и книгах, о том, как мы подружились. Без истории с домами, естественно.

– И все же, – щурится тетя Марина, – как ты забрел сюда, Захар? Насколько нам известно, ты живешь немного ближе к морю.

– Он искал кота, мам, – выдает Тора. – У него пропал кот, представляешь?

Пирог застревает в горле, и я поспешно запиваю его чаем.

Половина течет мимо рта.

Что же ты несешь, дурочка?

– Бедняга. – Тетя Марина подливает мне чая. – Нашел?

– Нет, – хриплю я.

– Как его звали? – подает голос дядя Антон.

– Облако.

На этот раз краснеет Тора. Кулаки сжимает. Ха-ха, так тебе и надо! Нечего болтать!

Чайничек в руках тети Марины вздрагивает. Капелька падает на скатерть.

– Ох, извините…

Тетя Марина хватает тряпку и трет стол, уничтожает вместе с пятном и мой ответ. Дядя Антон пододвигается к нам, щурится, рассматривает меня. Жалеет небось, что лупу не прихватил.

– Необычное имя для кота.

– Согласен, – фыркаю я. – Вот это совпадение, да? А вообще, люблю облака. Когда-нибудь мы научимся на них летать.

Кивнув, он вцепляется в чашку, игнорируя то, что она обжигает ладони. Дядя Антон высокий и полный, и теперь я понимаю почему: из-за кожи толщиной в сорок сантиметров, которой нипочем ни кипяток, ни лава.

– Мы пойдем поиграем, хорошо? – нарушает тишину Тора.

– Конечно, солнышко, – отзывается тетя Марина. – Только без Облака – я его постирала.

Тик-так.

Я вздрагиваю. На шкафу с сервизом громоздятся часы Zahnrad.

Мы с Торой идем в ее комнату – маленькую, как домик куклы: мини-кроватка, мини-столик, мини-стульчик, мини-картина с Белоснежкой и гномами, мини-книги на полках. И – большой-большой шкаф. Между дверцами торчит кусок фиолетовой юбки.

– Ты чуть не выложила им все! – накидываюсь я на Тору.

– Но не выложила же. Хотя они не разрешают мне дружить с *необычными*.

И вот мое сердце уже на низком старте. Три, два…

– Твои предки знают?..

Один.

– Знают что?

– О нашей тайне!

– Захар. – Тора кладет ладошки мне на плечи. Я чувствую себя на приеме у врача. – Это никакая не тайна. По крайней мере, для нашей семьи. Родители верят, что я дружу с домами.

– Почему? Они разве не думают, что с тобой что-то не так?

– Они тоже *с ними* общаются.

Ноги подкашиваются. Я сползаю на пол. В висках стучит звонкое «я не один, я не один, я не один»…

– И все же ты им обо мне ничего не сказала.

Тора прилипает лбом к мини-окну.

– А зачем? Ты *необычный*. Нам нельзя дружить.

– Но зато о тайне семьи болтать направо и налево – это как два пальца об асфальт, да?

– И что? Детей никто не воспринимает всерьез. Тебе ли не знать…

– Что все считают меня психом и не воспринимают всерьез? – морщусь я.

– Прости.

– Ты темнишь.

Раскрой свою мини-тайну, Хлопушка.

– Необычным нужно темнить. На свету мы умираем.

– Вампиры, блин.

– Я сейчас.

Тора проскальзывает в кухню, но не запирает меня.

– Пока, мамочка! Пока, папочка!

Предки шепчутся, щелкает замок, и Хлопушка возвращается ко мне.

– Уехали на работу.

– Так поздно?

– У них не… ненор… нормированный график, – поясняет Тора. – Дурацкое слово! Давай лучше в прятки сыграем. С Ласточкой.

– Как это – с Ласточкой? – недоумеваю я.

– Ты же умеешь общаться с домами мысленно? Умеешь. Вот и попробуй ее перехитрить. Чтобы, когда ты искал, она

не кряхтела половицами, а когда прятался, не выталкивала тебя тумбочкой прямиком ко мне!

– Ладно.

– Чур, я прячусь!

– Да пожалуйста.

Я ведь взрослый. Уступлю.

– Считай до ста, – командует Тора и толкает меня в угол.

Из кармана выпадает проигрыватель. Я с замирающим сердцем поднимаю его. *Только не реветь, только не реветь, только не реветь…* Посередине появилась трещина.

Тора гладит его по кнопкам.

– Ничего! С ним все в порядке!

Она выуживает из шкафа кассету и вручает ее мне.

– Давай попробуем.

Щелк. Начинает пиликать скрипка. Проигрыватель в норме.

– Это Джузеппе Тартини[8], – сообщает Тора. – Мой любимый композитор. «Дьявольская трель». Я играю на скрипке, так что… без Тартини – никуда. Ладно, считай!

Я жмурюсь. Ступни Хлопушки шлепают в ритм музыке. По-моему, она взбирается на второй этаж.

– Раз!

Я убавляю громкость, чтобы по звукам определить, где Тора.

– Два!

---

[8] Джузеппе Тартини (1692–1770) – итальянский скрипач и композитор.

Точно, второй этаж. *Ласточка, мы же команда?*

– Три!

Мне надоедает на пятидесяти.

– Сто! – выкрикиваю я в надежде, что Тора не слышит ничего, кроме своего Тартини. – Кто не спрятался, я не виноват!

А потом я целый час слоняюсь по дому. И все из-за Ласточки: то шторами взмахнет, то шкафом затрещит. Предательница, за Тору играет. Стычка с ворами пошла ей на пользу.

Я ползаю под столом, под лестницей, под диваном. Натыкаюсь на поломанных кукол, топчу крошки. Что, если Тора мне померещилась? Что, если я залез в чужой дом? Что, если матушка права и я болен?

Я облокачиваюсь на стол. Огромное растение Ториной матушки щекочет мне щеки. У моих предков такое же, арека называется.

– Ласточка, я сошел с ума?

– *Тогда мы сошли вместе.*

Растение *выплевывает* крохотную ручку, и та дает мне подзатыльник. Из-за листьев выглядывает Тора.

– Я была ближе некуда, а ты не нашел. Опять считай!

– Подожди. – Я хватаю ее за локоть. – Если твои предки такие же, как мы… Почему они не принимают таблетки от нашей болезни?

Тора хлопает меня по лбу.

– Дурачок! Это не болезнь. Это дар. Мы с родителями почти не обсуждаем его. Он есть – и точка. Мама и папа не пытаются меня от него уберечь. Только просят говорить о любых странных случаях в поселке и шушукаются, шушукаются…

– Мои тоже.

– Ладно, считай! – командует Тора.

Я вновь отворачиваюсь.

– Р-р-раз.

Вечер пролетает за секунду. Я запоминаю все: Хлопушку, вкус яблочного пирога, шершавые стены Ласточки. А когда возвращаюсь домой, сразу падаю в кровать. Даже крошки от пирога с ног не смываю – утром будет подтверждение, что Тора настоящая. Что я не одинок. Что я дружу с Хлопушкой, и она – о боги! – не называет меня Кирпичом.

* * *

Нам десять.

Нам одиннадцать.

Осенью Тора исчезает на целых два месяца. Ее брат Димка, который живет в городе, болен. Я никогда его не видел и впервые услышал о нем, когда Хлопушка прощалась со мной у машины, теребила мою руку. Я ничего не спрашивал, боялся ее расстроить. А она думала, что мне хватит его имени

и дурацкого «родился-учился-работает». Ладно уж, если начистоту, так и есть.

Тора пообещала, что вернется как можно скорее, но на ее глазах блестели слезы. И я понял – не дурак – что «как можно скорее» вряд ли наступит. На прощание Тора поцеловала меня в щеку, и я до ночи не мог избавиться от ощущения, что она по-прежнему прижимается ко мне губами. Кожа горела. Пашка бы меня засмеял.

И вот я краду у предков черный фломастер, чтобы зачеркивать дни на календаре. Матушка обнаруживает пропажу и ругается, что я беру вещи без спросу. Я извиняюсь, помогаю ей полить огород, а она покупает мне новый фломастер – целехонький, с колпачком и почти не израсходованный!

Каждый день в восемь утра я рисую крестик на календаре. Это *мой* ритуал.

Зачеркиваю. Ем омлет.

Зачеркиваю. Чищу зубы.

Зачеркиваю. Натягиваю дырявые носки.

Зачеркиваю, зачеркиваю, зачеркиваю…

Фломастер высыхает, а Торы нет.

Я прошу у предков новый. Они обещают, что купят, и я временно использую вместо него угольки из-под костра – батя часто жарит шашлыки.

Я навещаю Ворона. Мы скучаем по Торе вместе. Мы ждем ее, чтобы снова считать до ста и кричать «кто не спрятался». Я постоянно хожу мимо Ласточки и все чаще замечаю, как

в саду опадают листья.

Искать меня – любимое занятие Пашки. Где бы я ни находился, отовсюду звучит его противный голос: *«Кирпич!»*.

И если я успеваю добраться до Ворона или Воробья – отлично. Нет – Пашка вытряхивает на мой котелок гору мусора. Это его ритуал.

Я зачеркиваю последний, тридцатый день месяца и плетусь к Ласточке.

Пусто, черт бы ее побрал.

Теперь я не снимаю наушники, когда сплю. Круглосуточное немое кино.

Месяц превращается в два.

Я вешаю календарь над кроватью – так удобнее.

Зачеркиваю. Ем омлет. Иду к Ласточке.

Зачеркиваю. Чищу зубы. Иду к Ласточке.

Зачеркиваю. Натягиваю дырявые носки. Иду к Ласточке…

Стоп.

Листья убраны.

Убраны!

Я зову Тору, горланю на всю улицу и не краснею: прогресс!

Хлопушка выскальзывает из дома – бледная-бледная, синяки под глазами. Я заваливаю ее вопросами, но она отвечает коротко, словно *разучилась* со мной общаться.

«Мы же друзья?» – спросил бы я, но сердце нырнуло даже

не в пятки – в кончики пальцев ног.

А потом Тора говорит, что ее брат был спасателем. И умер.

6
Анна
[После]

Пообедав, я брожу по пляжу – пытаюсь откопать в памяти что-нибудь из здешних пейзажей. Люди стелются по песку сплошным ковром. В воде – каша из тел в пестрых купальниках.

Мне *больно* смотреть на море, изнывающее от туристов, и все же я присоединяюсь к ним – до одури жарко.

Я возвращаюсь на базу к ужину, кутаюсь в полотенце – наверное, перекупалась. На крыльце меня встречает Илона с бокалом вина.

– Ну как вы? Как море? – подмигивает она мне.

– Отлично.

Я проскальзываю в дом и нечаянно зацепляю ее плечом. Вино выплескивается на полотенце.

– Ничего-ничего! – восклицает Илона. – Я отстираю, клянусь!

– Спасибо, но…

Она выхватывает у меня из рук полотенце, и мне не остается ничего другого, кроме как отправиться к себе, чтобы поскорее переодеться в теплое. После ужина я звоню Рите и клянусь, что у меня все отлично. Мы обе понимаем, что

это «отлично» и «я не знаю, кто я» – одинаковые по смыслу фразы.

Я наряжаюсь в черные джинсы и кожаную куртку, рисую стрелки. Вместо ровных линий получаются извилистые тропки. А карандаш ведь водостойкий! Рокер из меня никудышный.

Но – плевать.

Возможно, музыка *подковырнет* мою память, и тогда я напишу особенную книгу.

Я прихожу на концерт слишком рано для обычного человека, но для сумасшедшего писателя – в самый раз. Дурочка, надеялась, что будет тепло, но в помещении – минус сто. Даже не верится, что днем поселок плавился. И как же, черт возьми, жаль, что я не прихватила блокнот! *Мне нужно законспектировать это место.* Охранник забирает у меня билет и ставит на запястье синюю печать, как на документах.

Людей собралось мало. Я блуждаю по залу и изучаю интерьер. На стенах висят гитары и листики с автографами знаменитостей. Даже Boney M[9] приезжали. Над огромными бутафорными клавишами склонился восковой орел – следит за порядком.

К выступлению готовится какая-то женщина. Чересчур толстые стрелки, растрепанный хвостик, желтый пуховик, издалека смахивающий на одеяло, словно секунду назад она

---

[9] Boney M – диско-группа, созданная в 1975 году известным западногерманским музыкальным продюсером Фрэнком Фарианом.

телепортировалась из Антарктиды… Но поет – *чарующе*, северным альтом и почти не поворачивается к залу, гипнотизирует сама себя.

Рядом с охранником топчутся Илона и Темыч, а вместе с ними и худощавый мужчина в клетчатой рубашке и очках. Они машут мне и о чем-то болтают.

Тем временем певица продолжает репетировать, носится по сцене, кричит звукооператору, чтобы тот настроил мониторы, прикладывался к бутылке. Вино?..

Я пританцовываю – чтобы не превратиться в лед. Холод все ближе и ближе, опережает музыку, опережает скорость света. Темыч подскакивает ко мне, размахивает кроликом – единственной *выжившей* игрушкой. Что-то тараторит, но слова тонут в грохоте ненастроенной гитары.

Люблю моменты, когда музыка оглушает. Можно общаться – каждый о своем и будто бы об одном и том же. У меня вибрирует в горле, я рассыпаюсь на атомы, а потом раз – и музыка разносит пространство вдребезги. Все вдребезги.

Певица снимает пуховик и бросает его за кулисы. На ней черное длинное платье, локоны по-прежнему собраны в хвост. Смотрится это странно: наэлектризованные волосинки тянутся к прожекторам. Она начинает танцевать. Танец плавный, без ритма и рамок, настолько *несуразный*, что я бы рискнула назвать его гениальным. Она ведьма.

Вместе с наэлектризованными волосинками вверх тянутся ноты. Сперва несмело, но затем увереннее и увереннее.

Что-то надламывается. Музыка врезается в потолок, в бутафорные клавиши, в нас. Песня парализует меня – готическая, утонченная, дикая. Она ведет гостей в мир, где все носят желтые пуховики и нелепые хвостики.

Интересно, почему люди не *слэмятся*[10]*?*

– Танцуйте, – шипит певица в микрофон. – Завтра ведь может и не наступить, правда?

Из кучки людей вырывается мужчина – тот самый, с которым беседовала Илона, – и пляшет так дико, что, кажется, пора вызывать экзорциста. Вокалистка ему улыбается.

Да уж, едешь, к примеру, в маршрутке, пялишься на какого-нибудь интеллигента в очках и не подозреваешь, что он вытворяет в рок-клубах. Возможно, теперь я знаю, чем занимается мой начальник по вечерам.

Зрители по чуть-чуть подтягиваются к сцене. Девчонки-неформалки, длинноволосые металлисты, даже Илона (с виду – вылитая поклонница поп-музыки) – трясут головами. Я – тоже. Гипноз, не иначе.

Меня бросает в жар.

– Спасибо! – выдавливает вокалистка, точно кровь сплевывает. – А сейчас – кавер на песню «Рамки» группы Flëur!

Зал замирает.

Музыка подползает неспешно, цепляется за ноги, плавит пол и вдавливает гостей в фундамент – хищница, наслажда-

---

[10] Слэм – явление, встречающееся чаще всего на рок-концертах, при котором люди толкаются и врезаются друг в друга.

ющаяся муками жертвы.

Темыч дергает маму за руку и что-то бубнит, мужчина в очках танцует, а меня волнами засасывает в трясину. Сначала ласковыми, дальше они становятся настойчивее и настойчивее. Я не могу двигаться, а мозг превращается в будильник, но почему-то на это никто не обращает внимания. А я звеню, звеню, звеню… В ушах – чайки. Трясина подобралась к горлу. Я иду на дно. Со мной это уже происходило, без сомнений: и чайки, и трясина.

Я умирала, до безумия боясь дна.

Чайки визжат все сильнее и скоро перепоют вокалистку.

Сделай одолжение: научись плавать.

Сделай одолжение.

Сде-лай.

Чайки просят меня об этом. Говорят, что я их пугаю.

А я говорю, что погибну в трясине, и – наблюдаю за концертом сквозь мутную пленку воды. Рот выедает соль. Нет, я тону не в болоте. Я тону в море.

Вокалистка пожирает людей взглядом, хрустит их костями и с каждой нотой увеличивается, растет.

У меня подкашиваются ноги. Она… съела стопы и голени.

> Смотри – вокруг полно людей,
> не выпускай своих когтей!

Все исчезает мгновенно. Остывает так же стремительно,

как и нагрелось. И вот вокалистка благодарит гостей за теплый прием, спрыгивает со сцены, надевает желтый пуховик. Интеллигент в очках целует Илону в лоб. Темыч до сих пор что-то бурчит и пританцовывает.

Трясина резко выплевывает меня, и я чудом не падаю. Чайки улетают. Гомонят люди, оглушенные не столько концертом, сколько взглядом вокалистки.

– Познакомьтесь, – Илона тянет ко мне интеллигента, – это мой муж Павел.

– Очень приятно. – Улыбнуться не получается – губы окаменели. – Аня.

– Темыч вас сегодня напугал, да? – фыркает Павел. Его лицо перекошено, словно *устало держаться*, и сползает, сползает в никуда.

– Артем, – поправляет Илона.

Она так спокойна, что ее можно сфотографировать, а снимок повесить в Лувре вместо «Джоконды». Лишь сжатые кулаки выдают раздражение.

– Мне нравится его называть Темычем. Ему – тоже. Что такого?

Илона расслабляет руки и целует мужа в щеку. Я боюсь, что она не справится со злостью и укусит его.

– Как вам концерт? – меняет тему Павел. – Угадайте, кто эта женщина.

– Без понятия.

– Моя сестра. Всю неделю пряталась в номере и молчала,

копила энергию для выступления.

Я глотаю нервный смешок. Где-то внутри чайки вновь начинают беспокоиться.

– Она… крута.

Остаток вечера мы проводим в баре – греемся вином. Выступают еще три группы. Голос Павла съедают гитарные соло, но я все же выхватываю отдельные фразы. Они с Илоной выращивают кишмиш, готовят вино, обожают море и поселок.

Кролик Темыча прыгает по моей спине.

Илона подносит бокал к губам, но замирает, когда я спрашиваю:

– А на досках вы катаетесь? Всегда мечтала попробовать.

– Нет, – качает головой Павел. – Разве что на троллее. Поедете с нами на эти выходные? Да, Илон? Возьмем ее?

– Обязательно, – обещает та и пододвигается ближе ко мне. – Поосторожнее у нас в поселке с мечтами, девочка.

Я притворяюсь, что не расслышала, а у самой внутри визжат чайки.

Около двенадцати ночи я поднимаюсь в номер в надежде поработать над идеей для новой книги. До второго этажа мне остается преодолеть пару ступенек, как вдруг раздается тоненький дрожащий голосок – кто-то поет.

Чайки ломают мои ребра. Я бы не удивилась, если бы обнаружила на полу пентаграмму, а в центре – сумасшедшую девицу; но чем дольше я медлю, тем отчетливее осознаю: это

вокалистка из рок-клуба, просто сейчас она поет тихо, обессиленно.

Мы с сестрой Павла – соседи.

Я ныряю в коридор и озираюсь: дверь в ее номер приоткрыта. Чайки заглушают пение – им не нравится песня. Не нравится, когда я тону и… когда из окна выглядывает черноволосая женщина.

Я запираюсь у себя и теперь не сомневаюсь: главные герои моей книги живут со мной в одном доме.

7
Захар
[До]

Нам двенадцать.

Нам тринадцать.

Нам четырнадцать.

Мне пятнадцать. А Торе – исполнится через час.

Она пока маленькая.

Мы лежим на пыльном полу – у Ворона. Ночь непозволительно близко, дышит на нас, пялится огромными звездами, пахнет орехами и яблоками. Прямо как девочка, сопящая у моего уха. В углу светит фонарик. Ночь заплетает Торе косы. И я заплетал. Согласен, выходило на троечку. Но я старался, правда-правда. Тора считает, что главное – практика, и тогда все удастся.

Разделить волосы на три пряди.

Левая – через правую.

Правая – через левую.

И так до бесконечности.

– Представь, что ты следишь за пьяницей-мутантом, – хихикала Тора, когда я в очередной раз начинал заново. – Его *три* ноги заплетаются в косичку.

Ворон наблюдал за нами, щелкал замками, хохотал скрипящими половицами. С миллионной попытки у меня получилось. Тора пообещала пойти завтра в школу с этими непослушными-ногами-пьяницы, чтобы все ее оценили.

Мягкие-мягкие волосы щекочут подбородок. Сейчас, когда Тора дремлет, я зарываюсь в них лицом. Какие же они теплые.

Ворон молчит – в последнее время он полюбил тишину, но я не расстраиваюсь: друг не ушел. Друг боится спугнуть *кролика*. Так я назвал шар, растущий внутри меня. Пушистый, горячий, ведущий в нору под деревом. Скоро я узнаю, попаду ли в чудесную страну. И вообще – есть ли она.

– Доброе утро, господин бука, – хрипит Тора, потягиваясь.

– Скорее – добрый вечер.

– Чего задумался? Стряслось что-то?

– Ничего. С днем рождения. Я… сюрприз приготовил.

– Честно?

Я вытаскиваю спрятанный под половицей проигрыватель. Свой проигрыватель, с трещиной по центру. *Кролик* потребовал, чтобы я подарил именно его. Тора любит музыку. Я купил ей кассету с композициями Тартини.

– Ничего себе!

Хлопушка обнимает меня и прилипает губами к моему лбу. Я сдавленно кряхчу.

– Спасибо, спасибо, спасибо, Захар! Я обожаю Тартини!

Давай завтра ко мне пойдем, и я сыграю тебе на скрипке? А еще я начала писать песни! Оценишь?

Из моего кармана выпадает кассета с «Наутилусами».

– Хм… Давай ее послушаем!

– Нет, – отрезаю я.

Мои любимые песни кричат о диагнозе «Что-то не так». Если бы я включил их своему доктору, тот бы сразу упек меня в психушку, а Торе и без того чересчур много обо мне известно.

– Нет, – повторяю я громче.

Растяпа, как же я мог забыть, что у девушек «да» – это «нет», а «нет» – это «да»! Что у них в мозг встроен маленький генератор антонимов.

Тора бесцеремонно хватает кассету, пихает ее в проигрыватель и подскакивает. Громкость зашкаливает, раздевает меня до костей, колет тело нотами. Дом пронизывают родные ритмы и интонации «Наутилусов».

Нет, я не выдержу взгляд этот из-под бровей.
Глаз – правильный квадрат на пустой голове.[11]

Песня обнимает нас липкими строчками, и Тора танцует. Я краснею. Делиться музыкой – явно не мое.

Коса обматывает Хлопушкину шею.

---

[11] Здесь и далее цитирование песни «Квадратные глаза» группы «Наутилус Помпилиус».

Улиц измерен конец, но всякий раз
Взгляд упирается в стену квадратных глаз.

Тора *летает под потолком*. Ее тело словно забыло о гравитации.

Я хочу прекратить это, выключить то, что принадлежит лишь мне, но Хлопушка прижимает палец к губам и приземляется рядом.

Песня заканчивается.

– Он похож на человечка с огромными глазами. – Тора поглаживает проигрыватель, как уличного кота. – А что, если… – И, достав из кармана фломастер, рисует на подарке улыбку. – Настоящий человечек.

– Я бы назвал его Вячеславом Геннадьевичем[12].

Через дыры в крыше за нами следит луна. Ворон притворяется, что спит, – не скрипит, не трещит, не плюется в нас штукатуркой. Даже Zahnrad тикают тише обычного.

Тора скользит пальцами по моему животу. Она – мой кролик. Ждет у норы, а я никак не осмелюсь нырнуть в ее мир.

Закрой глаза. Хлопушка говорила, что это помогает перебарывать страхи.

Пошли на три буквы сомнения. Живи. Позволь себе жить.

Я мысленно повторяю совет Торы, как молитву.

Ее пальцы добираются до лица и застывают у губ.

---

[12] Речь идет о вокалисте группы «Наутилус Помпилиус».

Мир Хлопушки совсем близко.

Ближе, чем луна.

Я целую Тору. На вдохе, сжав кулаки до дрожи. Жмурясь так, что во тьме начинают мерцать звезды.

Закрой глаза – и ты увидишь ночное небо.

Закрой глаза – и ты увидишь кролика.

Мягкие-мягкие локоны. Хрупкое-хрупкое тельце. В сантиметре от меня бьется сердце. Если протяну руку, прикоснусь к нему. Оно мое.

Мое.

Я обнимаю Тору. Хотя нет – я обнимаю вечность. Млечный Путь, северное сияние, тонкие ростки травы.

Хлопушка отстраняется и поглаживает мое запястье мизинцем.

– Я бы поселилась здесь. Не пожалела бы денег на ремонт. Купила бы кучу пластинок и граммофон. Танцевала бы под твои любимые песни. Ты бы жил со мной? Пожалуйста, я не смогу без твоих веснушек.

– Да.

А я – без аромата яблок.

– Ворон… Ты бы играл в прятки с нашими детьми?

Вопрос дается Торе с трудом. Она выплевывает его, как раскаленную колючую проволоку.

Ворон хлопает оконной рамой. Значит, согласен.

– У меня гениальная идея, – шепчет Тора. – Обведем наши ладони, как те люди, что жили здесь? Я принесла мелки.

Ворон не реагирует на эту «гениальную идею», и я, чувствуя, как пылают щеки, уточняю у него:

– Ты же не против?

Наверху хлопает дверь – Ворон разрешает. Иногда он общается с нами знаками. Ленивый балбес. Один раз – да. Два – нет.

Я прислоняю ладонь Торы к стене, над Облаком. Здесь обоев нет, и я надеюсь, что наши отпечатки продержатся как можно дольше.

Мне страшно испортить рисунок, поэтому я обвожу пальцы Хлопушки медленно, дрожу всем телом и ругаю себя за трусость.

– Когда-нибудь я вернусь сюда. Если наши отпечатки по-прежнему будут здесь, я пойму, что ты не забыл о… нас, – роняет Тора.

Ее слова заставляют меня замереть.

– А почему я должен забывать о нас? Ты думаешь, что когда-нибудь мы будем навещать Ворона по отдельности?

Тора стискивает мое запястье и достает из кармана новый мелок. Ее очередь рисовать.

– Я трезво смотрю на вещи.

– Тогда я пьяный в стельку. Объясняй.

Чирк – мелок царапает камень.

– Когда много-много раз кипятишь воду в чайнике, на дне образуется накипь. Если нальешь такую воду в стеклянный стакан, заметишь, что в ней плавают частички. Это значит,

что пора покупать новый чайник.

– Круто, – вскидываю брови я. – В учебнике по химии вычитала?

Мы отступаем от стены. Рисунок получился идеальный.

– После точки кипения ничего не бывает по-старому.

Я прорисовываю Облако огрызком мелка.

– Ясно. По твоей теории я – чайник. Выкидывай прямо сейчас, не обижусь.

– Захар… – Тора упирается лбом в мое плечо. – Если бы ты был чайником, я бы хранила тебя до смерти и не обращала бы внимания ни на какую накипь.

– Тогда в чем проблема?

Zahnrad с каждой секундой тикают все громче. Я различаю в этом ритме робкое «успокойся».

Закрой глаза – и увидишь звездопад.

Закрой глаза – и загадай желание.

Закрой. Глаза.

Вдох-выдох.

– В чем проблема? – повторяю я.

– Не ты чайник, Захар. Не ты, а я.

Рисунки светятся в бликах фонарика. Секунду назад мы с Торой *были*, а сейчас… я не понимаю эту девчонку с растрепанной косичкой. Если бы не предки, я бы запер ее у себя в комнате и заплетал бы ей косы вечно.

Мы бы кипели вместе. И вместе бы покрывались накипью.

– Мне… пора.

Тора выскальзывает из дома, и когда ее белое платьице превращается в маленькую точку у ворот, Ворон спрашивает:

– *Ты дурак?*

А я отвечаю:

– Полный.

И пинаю ботинком прогнившие доски, ныряю в ночь, спотыкаюсь. Догнав Тору у подножия холма, я притягиваю ее к себе, неумело, грубо и рычу на ухо:

– Не отпущу.

Она же… моя. Сладкая-сладкая вата, громкая-громкая Хлопушка, маленькая-маленькая девочка.

За нами наблюдают окна Ворона. Крыльцо просело, местами проломилось, выгнулось кошкой. Наш друг улыбается.

Я провожаю Тору домой и всю дорогу молчу. Хлопушка – тоже. Готов поспорить, если бы наша кожа была прозрачной, люди бы заметили в нас накипь.

– Спасибо за… Вячеслава Геннадьевича. – Тора целует меня в щеку и исчезает в объятиях Ласточки.

Я натягиваю капюшон – промозгло – и спешу к себе домой. Проскальзываю в спальню на цыпочках, но предки преграждают мне путь. Батя протирает очки рукавом и надевает их на нос.

– Ты опять лазал непонятно где?

– Да.

– А твоя подруга? Неужели тоже?

– Нам нравятся заброшки, – хлопаю ресницами я. – Ничего криминального.

Я давно вышел из того возраста, когда хочется кричать о дружбе с домами. Теперь я прячу свое «Что-то не так» под подушкой, в кармане, под половицами, но предки чуют его за километр. У них *хорошее обоняние.*

– Захар. – Матушка внезапно обнимает меня, впервые за миллиарды лет. – Пожалуйста, перестань себя так вести! Иначе мы запретим тебе общаться с Викой!

– С Торой, – поправляю я. – Вы же мечтали, чтобы я дружил со сверстниками.

– С *нормальными* сверстниками, – добавляет батя. – Сынок, мы с мамой решили, что… в общем, заканчивай школу, и переедем в город. Там поступишь в университет. Все наладится.

Закрой глаза – и ты увидишь бездну.

Закрой глаза – и ты увидишь, как дождь смывает контуры двух ладоней.

Да, мам.

Да, пап.

Спокойной ночи.

Я нормальный, вы верите мне?

Вопросы душат меня, но я стискиваю зубы. Рано паниковать. Лишь в одном я уверен: пока Тора живет здесь, я никуда не уеду. И пусть наш чайник хоть трижды с накипью.

* * *

Всю ночь я не могу уснуть. Страшно, черт побери. В ушах пищат гадкими комарами сомнения. Из-за предков. Из-за Торы. Из-за кролика.

На следующий день мне везде мерещится Хлопушка. Мы учимся в разных частях школы, но пьяница-мутант связывает нас – я вплел себя в ее косу.

После занятий, на крыльце школы, я все выкладываю Торе. Она кивает и, заправив прядь за ухо, как ни в чем не бывало интересуется:

– На какую специальность?

– Не знаю.

– Я могу попросить учителей, чтобы с тобой позанимались. Определяйся скорее.

– А как же ты?

Я вцепляюсь в лямки рюкзака. Топчусь, как дурень. Шмыгаю носом – хронический насморк.

Да кого я обманываю.

Хроническое *одевчачивание*. Сопли розовые, только и всего.

– Мало ли, вдруг и я куда-то уеду.

Весь вечер я стараюсь стереть из мыслей ответ Торы. Предки, ужин, уроки – отдаляются от меня, расслаиваются прокисшим молоком. Что со мной не так?

Или… что с *ними* не так?

* * *

Теперь мы с Торой не говорим о переезде. Мы молчим о нем, как молчат люди о страшной опухоли. Ощущаем ее и боимся. И все же мы не унываем. Тора часто играет на скрипке, поет мне свои песни – волшебные, удивительные, – и дрожит, краснеет, невпопад смеется, будто они способны нас разлучить. А впрочем, так и есть. Пишет Тора чаще всего о расставании.

Когда она играет на скрипке, ее лицо меняется до неузнаваемости: глаза наполняются уверенностью, решимостью. Тора тонет в музыке, отдаляется от меня с каждой нотой, и я ничего не могу с этим поделать.

Мы встречаем последние школьные каникулы, навещаем Ворона, обводим наши отпечатки и Облако, объедаемся пирогом с яблоками и жареными орехами. Отбиваемся с Воробьем от Пашки. Плетем косички. И всегда, прощаясь, смотрим друг на друга долго-долго, чтобы запомнить лица на случай апокалипсиса.

Тора не признается, кем мечтает стать. Еще одна запретная тема. Еще одна опухоль.

В июне Пашка все же нас достает. Мы сталкиваемся с ним у моря, чуть поодаль от поселка. Тора обожает гулять здесь вечером – нам нечасто удается побыть наедине. С нами по-

стоянно дома́. Вдыхая соленый воздух и стискивая мини-ладонь мини-девочки, я начинаю понимать язык моря. Оно любит затворничество. Слышит миллионы голосов и мечтает оглохнуть.

Солнце приближается к горизонту. Я сую руки в карманы. У меня завалялась горстка орехов, и мы с удовольствием их уминаем.

– Приятного аппетита, – желает кто-то.

Мы оглядываемся. Пашка. Естественно, Пашка. Мокрый, в плавках – он только-только из моря. Странно, что мы его не заметили. На песке валяется доска.

Пашка уже год занимается серфингом. До него в нашем поселке о подобном и не слыхали – а тут на тебе. Я бы тоже попробовал, но предки ни за что мне не позволят.

– Как жизнь? – Пашка цокает, да так громко, что язык вот-вот отвалится.

Тора хватает мой локоть. Паникует – сегодня мы беззащитны.

– Сыграем в прятки? Поностальгируем, а? Только мне надоело… Надоело искать вас.

Он расправляет плечи – солдат недоделанный. Ухмыляется – мы на его территории.

– Прячемся по правилам: от нашей улицы до вашего любимого холма.

– А если мы не согласны? – сглатываю я.

– Вчера, когда вы ворковали в гостях у Ворона, – так вы

его называете, да? – я все записал. Все-все записал на диктофон. И как вы общаетесь со стеной, чтобы воображаемый друг не плакал. Какое горе, у него отвалилась оконная рама! Я включу эту запись вашим родителям. Интересно, как они отреагируют?

Тора сжимает кулаки и, не сводя с Пашки взгляда, цедит:

– Откажись, Захар.

Но я не могу. Ее предки не шарахаются от нашего «не так». Мои – борются до сих пор и в особо тяжелых случаях пихают мне в глотку пилюли.

– Нет, давай сыграем. Почему бы и нет?

Мы же *нормальные*.

– Ладно, – неожиданно быстро уступает Тора. – Кто считает?

На лице Пашки змеится усмешка. Его светлые волосы торчат, как бы он их ни прилизывал. Под губой – ссадина – очередной подарок от Ворона.

– Ты. – Он толкает меня в грудь. – А мы с твоей подругой спрячемся. Спорим, не найдешь?

Я кошусь на Тору, и она отдает мне орехи.

– Потом доедим.

– Может, будешь считать? – предлагаю я.

– Да не боись, не обижу я ее. Это ведь просто прятки. – Пашка подходит ко мне вплотную. – Считай до ста.

Я отворачиваюсь к морю. Сегодня шторм. Из-за ветра я не слышу шагов, но всем телом чувствую, что мой враг уводит

Хлопушку подальше от меня.

Раз.

Два.

Три.

Море интроверт. Оно не любит людей, а мы его имеем с утра до вечера. Миллионы подстилок облепливают пляжи, миллионы тел купаются в пене, миллионы трупов покоятся на дне.

Шестнадцать.

Семнадцать.

Восемнадцать.

Я бы не хотел быть морем. А впрочем, разницы – никакой.

Тридцать.

Сорок.

Пятьдесят.

Если вылить в море канистру молока, оно не перекрасится в белый. Если добавить пятьдесят литров крови, оно не покраснеет. У моря нет отпечатков пальцев. Оно умеет прятать трупы – его не арестуют.

Шестьдесят.

Семьдесят.

Восемьдесят.

Ты заболело, море. С тобой *что-то не так*. Запишись к врачу, тебе нужно удалить фантазию.

Я не досчитываю до ста. Убеждаю себя, что Пашка не утащил бы Тору в воду. Он псих, но проблем себе не ищет. Нет,

он бы не утопил Хлопушку.

Я несусь в поселок. У меня есть преимущество – дома́. Я мысленно обращаюсь к ним.

Где они?

Громче всех визжит мой родной Воробей:

– *К лесу! Они пошли к лесу!*

Я пересекаю улицу, мчусь мимо покосившихся хижин и взбираюсь на холм. Ворон возвышается надо мной покореженным скелетом. Сердце барабанит по ребрам. Профессиональный боксер, не иначе.

Я спрашиваю у дома:

– Где?

А он отвечает:

– *В лесу.*

Дурак.

Идиот.

Псих.

Зачем, зачем я клюнул на байки о камере? Что, если Пашка обидит Тору? Побьет? Отомстит за наши встречи?

Кусты впиваются в голени колючками, деревья изгибаются лабиринтами, лес недовольно шуршит. Он не желает меня принимать.

Зато этого ублюдка принял.

Я выбегаю на поляну, заросшую травой по колено. Солнце ныряет за горизонт. Фантазия тщательно прорисовывает тысячи вариантов, где побеждает *он*.

Успокоиться и найти их, пока не стемнело, – ничего сложного.

Абсолютно.

Абсолютно.

Абсолютно.

Абсол…

Треск веток режет слух. Я *карабкаюсь* по нему, как по спасательному канату. Тени пляшут передо мной, столбы деревьев подозрительно напоминают монстров с картин психиатра.

Я стараюсь двигаться тихо. Нет. Их нигде нет.

Кажется, я окончательно свихнулся. Самое время навестить доктора.

Или…

Я натыкаюсь на них возле вековой сосны и прячусь за дуб. Они не видят меня, шепчутся. Ни черта не слышно. Пашка держит Тору за локоть и морщится.

Зря я боялся. Мой враг не таскает Хлопушку за волосы, не толкает ее и не бьет коленом в живот, не угрожает ножом и не заламывает руки. Я все это себе придумал. Пора мне удалить фантазию.

Я напрягаю слух.

– Обещай, – чеканит Тора.

Пашка склоняется над ней, высокий, как фонарный столб, ухмыляется.

– Договор.

– Обещай!

– Обещаю.

Я выхожу из-за дуба. Они вздрагивают и с ужасом пялятся на меня. Парочка. Голубки облезшие. Как же бесит!

– Что вы здесь делаете? – хмурюсь я, и за то, что осмелился спросить, ненавижу себя больше, чем Пашку.

– Тебя ждем, – пожимает плечами Тора.

– Но ты бы не сильно расстроилась, если бы я не пришел, да?

– Захар, ты чего?

Тора порывается меня обнять, но я показываю Пашке средний палец и несусь прочь из леса. Быстрее, быстрее от мини-девочки. Она не моя.

Поселок растворяется во тьме.

Добравшись до Ворона, я бросаю кулак в дверь и сажусь на пыльное крыльцо. Глажу перила.

Дом колет меня занозами и спрашивает:

– *Что произошло?*

А я отвечаю:

– Он выиграл.

Ворон умолкает, и я ему благодарен. Мне срочно нужно что-нибудь сломать. К примеру, шею одного придурка.

Но… Где-то за ребрами клубится сомнение. Что, если я неправ? Они могли говорить о чем угодно.

Кретин. Ты опять обидел Тору. А сам боялся, что ее обидит Пашка.

– Можно?

В свете луны появляется родной силуэт Хлопушки. На ее месте я бы дал мне пощечину и убежал бы домой.

– Я здесь не хозяин.

Неохотно подвигаюсь. Тора опускается и толкает меня в плечо.

– Ты чего надулся? Ревнуешь?

– Ты болтала с этим козлом как с закадычным другом!

– Пора прекращать детскую вражду.

Да чтоб тебя!

Лицо горит, плавится. Я беру Тору за подбородок, и она закусывает губу. Боится. Того ублюдка не боялась, а от моего прикосновения едва не визжит. Дуреха.

– Тебе легко. Тебя никогда не водили к врачу из-за проклятого «Что-то не так». Не поджидали у школы, чтобы хорошенько поколотить. Не фаршировали таблетками, как долбаную курицу. Мы разные, Тора. Не учи меня жизни.

В комнатах завывают сквозняки.

Не встревай, Ворон.

Мне стыдно перед ним за эту сцену. Он-то преданный друг.

Нужно было сразу домой.

Тора облокачивается на перила.

– Ты прав, Захар. Мы разные. Чересчур… – проглатывает она всхлип. – Пожалуйста, не сердись на меня, но… мы расстаемся.

Рас-ста-ем-ся.

Странное слово.

Картонное.

Вот бы сделать из него самолетик и скормить Пашке!

Я хватаю Тору за плечи. Наверное, сама не поняла, что ляпнула.

– Смешно-о-о!

– Нет, не смешно, Захар.

– Подожди. – *Это сон, всего лишь сон.* – Ты… серьезно?

– Более чем.

– Да ладно тебе. Пошутили и хватит. Я в курсе, что повел себя как дурак. Прости.

Я обнимаю ее, пытаюсь удержать, но она выскальзывает, как рыбешка. Тает, как снежинка на ладони.

– Захар…

– Прости, прости, прости, – тараторю я, не позволяя ей договорить.

– Да послушай же ты! – рявкает она и отталкивает меня. – Я не обижаюсь на тебя. И решила все *до* того, как ты нас нашел.

До.

– Значит, я прав насчет Пашки.

– Нет, нет, нет! – горячо мотает головой Тора. – Мы с тобой не будем вместе, но он здесь ни при чем. Ты поступишь в университет, найдешь хорошую работу в городе, забудешь обо всем, что творилось с тобой здесь. Ты станешь *нормаль-*

ным.

– Давай со мной.

– Не могу.

– Да чего ты, Тора!

Я до сих пор надеюсь превратить слова Хлопушки в шутку. Вцепляюсь в ее запястье, но она подскакивает и высвобождается.

– Мы расстаемся, Захар, – уже тверже повторяет Тора.

Она убегает от меня, как от маньяка, без оглядки, спотыкаясь, по колючкам и крапиве, а я смотрю ей вслед и проглатываю последний вопрос.

Что со мной не так?

* * *

Я просыпаюсь.

Ем яичницу.

Иду к Ворону и иногда сталкиваюсь *с ней* там. Если нет – встречаю по пути домой.

Прошу ее еще раз обо всем подумать.

Обещаю, что никуда не уеду, и пусть она хоть сто раз будет против.

Изо дня в день.

Но Тора непреклонна, упертая девчонка. Через неделю она уже не обводит Облако и наши отпечатки. И тогда я понимаю – все кончено.

Я вспоминаю тот день: Пашку, как он держал ее за локоть, тихое «обещай», горькую уверенность. Это я виноват, точно. Я был груб.

А можно и просто – я был.

Я посылаю куда подальше учителей и подготовки. Матушка бьется в истерике. Еще бы, экзамены через месяц, а я до сих пор не взял в библиотеке учебники. Батя потерял всякую надежду образумить меня и теперь вовсе не обращает внимания на мои выходки.

Неудавшийся сын. Поломанный.

Должно быть, они бы спрятали меня под диван, туда, где валяется бракованный паровоз, если бы у нас разрешили самосуд.

8
Анна
[После]

Изо дня в день я наблюдаю за Илоной, Павлом и Темычем: как они вскапывают огород, как по вечерам кутаются в колючие пледы и бродят по улицам, как шутят друг над другом – мне интересна каждая мелочь. У них все идеально ровно. Нет ни изъянов, ни торчащих ниточек. Если бы они были платьем, то определенно самым лучшим в мире.

По ночам я записываю это и сразу же порываюсь удалить – безупречная вселенная убивает книгу, расщепляет ее на молекулы.

Я знаю, каково оно, потому что сама расщепляюсь. Но – продолжаю писать. Через силу. Без этого я быстрее состарюсь. За себя и за книгу. Пока история *внутри*, она будет грызть меня, плодить болезни и бессонницу. Сюжетам нужно жить на бумаге, а не в голове. Голова – плохой дом, без евроремонта.

Облако ютится на краю стола, молчаливо сочувствует. А я все отчетливее понимаю, что этот кот мой. Мой с детства.

В субботу Градинаровы – какая замечательная у них фамилия! – вновь зовут меня покататься на троллее.

Я прошусь к Лидии в кухню и пеку пирожки, чтобы хоть

как-то отблагодарить эту семью за то, что они вдохновляют меня писать книгу.

* * *

Мы топчемся у обрыва. Море закипает, бьется об скалу, вопит нам, чтобы мы убирались. Люди надоели ему миллионы лет назад.

Здесь, вдали от поселка, почти никого нет – лишь палатки у горизонта, грязный спринтер, оборудованный под дом, да старенькая «Волга» Градинаровых.

Слева – про́пасть. Дальше – маленький выступ и снова пропасть. Точно по скале потоптался великан, и она частично обрушилась. От раскидистого клена, под которым мы устроились, далеко-далеко тянется троллей, растворяется в тумане, несется навстречу тучам.

Павел вытряхивает из рюкзака карабины, Илона проверяет крепления, Темыч не моргая смотрит на море, шевелит губами, будто у них с волнами свой язык.

– Ну что? – Павел с наслаждением втягивает соленый воздух. – Кто первый?

Я кошусь на троллей. Если он треснет, меня размажет по скалам, а туман заметет следы.

– Аня, вперед, – подмигивает Илона.

Я глотаю нервный смешок. Что, если троллей ведет прямиком в пекло? Или в пасть волнам?

А впрочем, это мне и нужно. Сама я не *соскребу* прошлое – потребуется нечто острое, нечто тающее в тумане и ведущее в никуда.

Темыч роется в рюкзаке отца и вытаскивает игрушки. Рассаживает их, чтобы они полюбовались, как я исчезаю.

Павел закрепляет на мне страховку, защелкивает карабины.

– Удачи. – Он окидывает меня пристальным взглядом. – Где-то посредине пути выступ. Во-о-о-н там. Заметили? Можете, конечно, чиркнуть по нему ботинками – сам обожаю так делать, но лучше не рискуйте, подошвы сотрете. Лучше подогнуть ноги.

Я шагаю к пропасти. Трава вытоптана. Должно быть, Градинаровы часто катаются на троллее.

– Вас столкнуть?

Илона подкрадывается бесшумно, и я вздрагиваю.

– Н… Нет.

– Через пять минут я тоже буду на той стороне, не переживайте.

Я набираю в легкие влажный воздух, ветер бьет в спину, и…

Я обгоняю его. Ускоряюсь с каждым ударом сердца. Подо мной – вечность; следы великана бездонны. Дышать трудно, *невыносимо*. На языке – соль. Море целует меня, в горле клокочет: «лечу, лечу, лечу». Адреналин сочится через поры.

Естественно, я забываю подогнуть ноги. Ботинки чиркают

по скалистой поверхности.

Прощайте, подошвы.

Но я не расстраиваюсь и парю в нескольких местах одновременно. Или вовсе – нигде. Я – падающая звезда. Загадывайте желание.

Туман рассеивается. Мой путь завершается так же стремительно, как и начался. Конечная – скала, впивающаяся в море черным клыком. *На ней будто кариес.*

Между березами распята сетка, и я врезаюсь в нее, как муха в паутину. Несколько секунд ищу себя между потрепанными веревками. Себя десятилетнюю. Безрезультатно – я профессионал в игре в прятки.

Приземлившись, я отцепляю карабины. Высокие скалы, ветер слабый, растянутый, как жвачка, я больше не падающая звезда, – все расслаивается. Туман стелется по траве, намазывается на нее маслом.

Чуть поодаль, за дорогой, раскинулась роща. Я щурюсь. Между кленами – смутный силуэт мужчины. Огромные руки – в них поместилось бы море, – широкие плечи.

Господин великан выжидает. Хочет замести следы.

Он наблюдает за волнами – или за мной, – не шевелится. Как дерево, по форме похожее на человека.

Раздается хохот, звонкий, трещинами расползающийся по туману. Илона. Новая падающая звезда.

– Чего застыли? Не понравилось?

Она отцепляет страховку и спешит ко мне.

– Понравилось. Хм… – я кошусь на великана, а затем поворачиваюсь к Илоне. – Кто это?

– Где? Здесь никого нет, кроме нас.

– *Там*…

Только *там* и правда пусто.

– Ладно, – сдаюсь я. – Неважно.

Но чужак уже наследил в мыслях и где-то рядом с проклятым тиканьем нацарапал: *«Важно»*.

Мы берем страховку и, обходя пропасть, идем обратно. Илона рассказывает мне, как счастлива жить по соседству с морем.

– У вас прекрасный сын. Очень интересный…

– Знаю я, о чем вы, – морщится она. – Просто… Чем ближе к морю, тем тяжелее прятать демонов, а у этого сорванца их хоть отбавляй.

– Вы не водили его к врачу?

– Он здоров, – откликается Илона чересчур резко для дружеской беседы. – Видите ли… Артем кое-что слышит. Кое-что, чего не слышат *обычные* люди. Конечно, психика ребенка не выдерживает.

Я пинаю камешек в пропасть, и его заглатывает море.

– О чем вы?

– Нечто умное и опасное общается с ним. Для этого нечто люди – домашние животные, – фыркает Илона. – Я не разрешаю Артему гулять самому, а муж разрешает. Балбес, что с него взять.

Мы возвращаемся к Павлу и Темычу. Они устроились под кленом за компанию с игрушками и жмурятся. Медитируют?.. Или беседуют с морем.

Я достаю из рюкзака пирожки. Мальчишки сразу оживают, плюхаются на валуны у обрыва, и мы с Илоной присоединяемся к ним.

– Ешь, Темыч, а то дрыщ-дрыщем! – веселится Павел.

Жена пихает его в бок. Злится из-за «Темыча»?..

Странно, но сейчас, когда они так близко друг к другу, я не представляю их вместе. Даже сын для каждого – свой: Артем и Темыч. Они параллельны. И плевать, что спят в общей кровати.

Сердце сжимается. Градинаровы не идеальны. Не идеальны! Я спасу эту семью, построю им дом из букв.

Время мчится *заодно* с волнами. Илона и Темыч болтают не прекращая, и когда голоса внезапно затихают, я вздрагиваю.

Кто-то выключил звук. Павел бледнеет, Илона застывает, вцепляется в его локоть, а Темыч больше не играет с плюшевым кроликом. Шум волн, встревоженное дыхание ветра и – наше, возвращается с кашлем Павла. Будто у него в легких – целое море.

Илона подскакивает и, спотыкаясь, несется к сумке.

Темыч зовет отца, дергает его за плечо, но тот не реагирует. Павел вот-вот вывернется наизнанку.

Илона трясется и, когда подбегает к мужу со шприцем,

едва держится на ногах. Я не вмешиваюсь, лишь наблюдаю. Удивительно – по ОБЖ в школе у меня была заслуженная пятерка – я вызубрила весь учебник. Но сейчас, когда наступил момент икс, в голове – ни строчки.

Суета прекращается быстро. Илона вводит лекарство Павлу в руку. Темыч испуганно стискивает кролика. Мир успокаивается. Павел еще покашливает, но уже не выворачивается наизнанку. Илона опускается на валун. Секунду назад эти двое пересеклись, а теперь опять параллельны.

Никто не издает ни звука. Нас оглушил кашель. Волны шумят предательски тихо, сердце бьется глухо, точно под ребра напихали ваты.

Мы запрыгиваем в «Волгу», когда Темыч вытаскивает из рюкзака телефон и тычет пальцем на время. В салоне душно. Павел выкручивает радио на максимум. Поет Titiyo – Come Along. Эта песня им к лицу. К лицу моим *параллельным персонажам*.

Мы доезжаем до поселка минут за десять, не больше. Пока Павел заносит в дом рюкзаки со страховкой и игрушками, я спрашиваю у Илоны:

– Что с ним?

– Аллергия, – слишком резко отвечает она. Анафилактический *шок?* – Вообще-то я ношу лекарство для себя, постоянно летом задыхаюсь… Но в последнее время Паше тоже не очень хорошо. То пыльца, то пыль, то специи…

– Я люблю добавлять в выпечку ванилин. Ох… – я хвата-

юсь за голову. – Что же вы не предупредили!

Илона хлопает меня по спине и исчезает в доме. За ней плетется Темыч и с каждым шагом все быстрее превращается в Артема.

* * *

До вечера я работаю над книгой. Печатаю, печатаю, печатаю… Но все не так. Параллельные линии ломаются и снова и снова пересекаются.

Вот же она, Илона – та, кто не любит, когда сына называют Темычем.

Вот Павел – человек, обожающий море и именно Темыча.

А вот мальчик с пакетом вместо лица, пощадивший лишь кролика и странного друга по имени *Нечто*.

У меня не получается их срисовать.

Я устанавливаю себе норматив по знакам – чтобы не выбиваться из ритма. Чтобы не захлебнуться. Звоню Рите в тысячный раз. В миллиардный – клянусь, что все отлично.

О родителях ничего не вспомнила.

Книга пишется с трудом.

Покончив с нормативом, я выхожу на улицу. Мне так душно, точно я не пять страниц написала, а сотню.

У калитки курит Павел. Дым обволакивает его и стелется туманом по земле.

Я взлохмачиваю волосы.

– Как вы?

– Лучше. Что, испугались? – хмыкает он и снимает очки.

– Есть немного. Простите.

– Забыли. – Он сжимает сигарету двумя пальцами и всматривается в нее с сожалением, словно курит стодолларовую купюру.

– А… – Щеки вспыхивают. Благо, я тону в сигаретном дыме. – Почему Илоне не нравится имя Темыч?

– Кто ее знает. Она как шляпа фокусника. Непредсказуемая до ужаса. Что наколдуешь, то и выпрыгнет. – Он запрокидывает голову и выдыхает новое облачко. Лицо вновь *сползает*. – Твое предложение в силе?

– Какое?

– О серфинге.

Я приподнимаю бровь.

– Но ведь вы не катаетесь.

– Согласен! Как это я до сорока дожил и не покатался? – подмигивает он. – Так что?

– А Илона?

– Придумаю что-нибудь. Для нее серфинг – больная тема. А я давно мечтал попробовать, да компании не было. – Он тушит сигарету и бросает ее в консервную банку, прикрученную к забору. – Мы познакомились с ней в городе. Как ни странно, у психолога. Она спасалась от прошлого. Я – тоже. Десять лет лечился, хоть и с перерывами…

– От чего?

Павел сует руки в карманы.

– Кхм… у нас с сестрой были некоторые разногласия. Мне не нравилась ее работа, но потом все наладилось. Сейчас она поет. *Только* поет.

* * *

Я выскальзываю из номера рано утром. Павел говорит Илоне, что проведет для меня экскурсию по поселку. Она чует ложь: уголки губ подрагивают, на лбу появляются морщины. Но как ни в чем не бывало желает удачи.

Мы спешим на соседний пляж. Туда, где громоздится двухэтажное здание. На крыльце топчется мужчина в спасательном жилете. Павел объясняет мне, что незнакомец сдает в аренду доски и инструктирует.

В животе что-то трепещет. Наверное, чайка, но я не поддаюсь. Тренер выдает нам доски и лиши[13], а затем проводит зарядку. Мы пробуем работать с досками на суше, а после – отправляемся в море. Тренер учит нас грести. Меня шатает из стороны в сторону, зато у Павла получается сразу.

Спустя десяток неудач я все же ложусь на доску правильно. Вытягиваюсь, срастаюсь с ней, деревенею.

Тренер показывает Павлу, как ловить волну. Признается, что еще не встречал таких способных учеников. Я – то и дело

---

[13] Лиш – страховочный поводок, тянущийся от ноги к доске.

переворачиваюсь.

Сердце тяжелеет килограммов на сто и барабанит, барабанит, барабанит. Ему тесно в грудной клетке. Мышцы ноют. Чем усерднее я гребу, тем отчаяннее мечтаю ощутить под ногами песок. Чайки во мне вопят, я слышу их даже под водой. И уже не знаю, где плыву: в море или в небе. Мой мир – соль и водоросли.

К счастью, доска не дает утонуть и тянет, тянет на поверхность. Я чувствую себя собакой на поводке.

– Напрягитесь! – командует тренер. – Попытайтесь лечь так, чтобы ноги сравнялись с гранью доски!

Я стискиваю зубы, и… у меня получается. Правда, ненадолго.

Черт с ним.

Я выползаю на берег – слишком болят мышцы – и освобождаюсь от чего-то.

По телу растекается липкое счастье.

Я не утонула.

Ура.

Чайки умолкают. Пока им некого оплакивать.

Я наблюдаю за тем, как Павел ложится на доску, как ловит волну, как поднимается – на целых пять секунд! А я не смогла даже полежать.

Зажмурившись, я представляю, что мне десять лет. С кем я была на пляже, когда так звонко кричали чайки? Почему едва не утонула? Зачем полезла в воду, если не умела пла-

вать?

Я открываю глаза. На колене краснеет ссадина. Капельками крови сочатся ответы: я люблю море. Оно честное со мной. Оно помнит десятилетнюю девочку.

Мы возвращаемся домой к завтраку, мокрые и уставшие.

– Вы видели, Аня?! Я поймал волну! Уму непостижимо! Это же магия какая-то! – тараторит Павел. – Если честно, у меня такое ощущение, что я когда-то давно занимался серфингом, но потом напрочь забыл. Странн…

– Как экскурсия?

У крыльца мы сталкиваемся с Илоной. Она треплет Павла по макушке, зарывается пальцами в мокрые волосы, радуется, *торжествует*, что мы прокололись.

– Пора на завтрак. Догоняйте, Аня. Лидочка волшебница, а не повар! – шепчет она и увлекает мужа в столовую.

Я еще долго брожу вокруг дома. Аппетита нет, я наполнена морем, штормящим, черным. Что-то изменилось в нас – и во мне, и в Павле. И это «что-то» связано с чайками.

9
Захар
[До]

Мне шестнадцать.

Я до сих пор дружу с воображаемой подругой. *Теперь* воображаемой.

Тора, ты в курсе, что Ворон – самый старый дом в поселке?

Что он ужасный болтун и порой его нереально заткнуть?

Знаешь ли ты, Тора, как Ворон жесток, когда злится?

Это нам он рассказывает об Облаке да о шансоне. Других он колотит, как я – подушку перед сном. Мы особенные, Тора.

Если бы ты была домом, я бы поселился в тебе, побелил бы твои потолки, со всех сторон тебя бы оплел виноград кружевным зеленым платьем. Ты бы не скрипела и не плакала – я бы не давал тебя в обиду. Ты бы пахла жареными орехами и яблоками.

Орехами и яблоками.

Ты постоянно так пахнешь.

Я жмурюсь. Ты улыбаешься.

Я открываю глаза. Тебя нет.

Вдали белеет мой рисунок. Он быстро стирается, но я изо дня в день его обвожу. У меня ушла целая пачка мелков, чтобы наш кот жил хотя бы на стене.

Я шагаю к нему. Пришло время вновь обновить тебя, парень.

Обвести контуры.

Эх, кто бы обвел мои.

Я жмурюсь. Облако спит в мягком кресле.

Я открываю глаза. Облако корячится рисунком на кирпиче. Горбится, потому что у девятилетнего мальчугана дрогнула рука и хребет бедного животного изогнулся кардиограммой.

Здесь до сих пор пахнет яблоками и орехами. Я надавливаю на мел.

Тора так хотела отремонтировать Ворона.

Я – тоже.

Но теперь я понимаю: не дому – нам с Хлопушкой нужен ремонт.

Мелок ломается – я переусердствовал. У Облака выпирает очередной позвонок.

Не бойся любви, пока она не скажет: «Здравствуй. Как поживаешь?»

Тора мечтала обклеить спальню на втором этаже розовыми обоями. Мечтала жить там и по утрам наблюдать, как из-за моря выныривает солнце.

А сейчас… Сейчас мое солнце – она.

Мой дом – она.

Мое одиночество – она.

Она. Она. Она.

Что мне делать, Ворон?

Что ты делал, когда твои хозяева отправились на тот свет?

Дом молчит, но за столько лет мы научились общаться и без слов. Если бы он смог, похлопал бы меня по плечу.

Я обвожу проклятый рисунок.

Проклятое пятно на спине у кота.

Проклятые ладони.

А впрочем, одну можно убрать. Хлопушка нас больше не навещает.

Я стираю рукавом заветный отпечаток. Прощай, Тора. Ворон тоже тебя отпускает.

– Что ты здесь забыл? Не надоело?

Пашка.

Долговязый паренек, который никогда меня не бросит, который будет обзывать меня Кирпичом даже на том свете.

– Не надоело, – отрезаю я.

Он приближается ко мне медленно, шаркает, как хромой волк.

– С кем ты болтаешь?

– С ними.

– С кем?

– С домами, придурок. – Я мысленно умоляю Ворона потерпеть и не швыряться люстрами.

Пашка косится на часы.

– Zahnrad. Твои?

– Нет. Его.

– Что ты как ребенок. – Пашка тянет меня в угол и хватает за воротник. – Семнадцатый год пошел, а ты до сих пор слюнтяй. Чмо недоразвитое. Что творится в твоих мозгах?

– Ничего.

И правда. Ничего.

– Ты забил на *друзей*. Забил на школу. Да ты на родителей забил, о чем я вообще? – цедит Пашка и вскидывает брови, как Эйнштейн на знаменитой фотографии. Разве что язык не показывает. – Ты не радуйся. Чихал я на тебя и твои мозги. Просто интересно, что с тобой не так.

Мне не ампутировали фантазию в детстве – вот что со мной не так. У кого-то воспаляются гланды, и их удаляют. У кого-то – аппендикс. Но вырезать фантазию почему-то никто не берется.

Я отталкиваю его.

– А с тобой что? Почему ты до сих пор спишь с плюшевым медведем?

Я говорю нарочито громко: Пашка редко ходит по заброшкам сам. Сейчас, должно быть, его друзья прячутся за воротами и думают, что я их не заметил. А я замечаю. Всегда. После того, как Воробей сломал этой твари нос, она не суется на мою территорию без подмоги.

Пашкино лицо вытягивается. Да так стремительно, что

скоро из него получится скрутить собачку, как из надувного шарика для моделирования.

– Что ты сказал?

– Ты спишь с плюшевым медведем. Не отмажешься.

Из-за ворот доносится фырканье, и Пашка вдруг начинает хохотать. Корчится, краснеет, будто через секунду выплюнет кишки, вот только в глазах по-прежнему мраморный лед.

– Знаешь, Кирпич, – смех резко обрывается, – я пришел сюда, чтобы сжечь нахрен твое уютное гнездышко. Но когда увидел, как ты вырисовываешь эти дебильные ладони, решил, что, может, не стоит. Что, может, пожалеть тебя. Но ведь никто не жалеет кирпичи. Они из года в год пылятся, замурованные, *умершие*. Они падают и разбиваются. Ими рисуют на асфальте. И их никто не жалеет. Да-а-а… Какой же я идиот. Каюсь.

Пашка засовывает пальцы в рот и свистит. Четверо мальчишек в ободранных спортивных костюмах мгновенно вырастают за его спиной.

– Бензин не забыли, чуваки? – осведомляется тварь.

Мои органы превращаются в пульсирующий узел. Каждый «чувак» притащил по канистре.

Ворон.

Ворон, очнись.

Швыряй люстры. Круши потолки. Пробей тварям черепа, мне фиолетово. Похорони их в подвале.

Вчера я объяснял дому, какие на вкус жареные орехи, а

сегодня он грустит. Сегодня Ворон не проронил ни слова. Я жаловался ему и давился соплями, но он даже не попытался влезть в мою башку. Он без сознания.

Пашка скручивает мне руки. Я пинаю его ногами – бесполезно.

Мальчишки обливают бензином пол и лестницу, поднимаются на второй этаж.

– Ворон, – сквозь зубы лепечу я.

– Что-что? – переспрашивает Пашка.

Я плюю ему в лицо и ударяюсь об что-то виском. Или меня бьют?.. Мир растекается черными кругами.

– Ворон! – чуть громче восклицаю я.

Но Ворон не откликается. Теперь я сомневаюсь, что он бы похлопал меня по плечу.

Дома не спят. Они стареют, когда их предают, рушатся, плачут, но не спят.

Я вспоминаю, о чем говорил Ворон семь лет назад.

Если я когда-нибудь замолчу, не сомневайся: я на море.

– Нет! Валите отсюда! – разоряюсь я, но Пашка только сильнее стискивает мои запястья.

– Мы тебя вылечим, Кирпич. Твоя любовь к домам – нездоровая любовь.

– Твари! Он живой!

Я ненавижу себя за то, что не могу прикончить этих гаденышей. Ненавижу Ворона за то, что он меня бросил. Ненавижу Пашку за то, что он тупой, но считает себя гением.

В полумраке, у лестницы, чиркает спичка. Нет, мне не победить тварей. Проклятый дым обволакивает шею и душит не хуже веревки.

– Подожди, Тоха, мы кое-что забыли. – Пашка вдавливает мою голову в стену. – Возьмите кто-нибудь часы и вытащите батарейки!

Я жду, как дурак, что посыплется штукатурка, что Ворон не подпустит тварей так близко к сердцу, но ничего не происходит. Мальчишка в кепке хватает часы, и вновь загорается огонек.

– Нет! – воплю я. – Умоляю вас! Пожалуйста! Отстаньте от него, он *живой*!..

Воздух сотрясает грохот: чудовище в кепке уронило часы. По полу разлетаются стрелки.

Тоха от испуга выпускает из рук спичку.

– Идиоты! – багровеет Пашка, но времени на разборки нет. Дом вспыхивает. – Валим!

Я упираюсь, но Пашка тянет меня к воротам. Волочет, будто мешок с картошкой. Толкает к валуну, подпирающему холм.

Я падаю.

Задыхаюсь.

По щекам текут слезы.

Пашка зажимает мне рот и поворачивает меня к Ворону.

Мой друг, мой преданный воин вспыхивает. Ему удалили сердце. Он скоро уедет на море.

Где ты, Тора? Как же ремонт?

Я жмурюсь. Мы клеим розовые обои в спальне.

Я открываю глаза. Горящая крыша обваливается, а рядом со мной сидит мой враг, который никогда меня не бросит.

– Чего ты стонешь? Алло! – рычит Пашка. – Кирпич, почему ты такой слюнтяй?

В раскаленном воздухе его лицо тает.

Я чувствую себя сморщенным червивым яблоком. Из меня бы не получился пирог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.